«Россия привержена принципу верховенства международного права» В. Путин

INTERNATIONAL LEGAL COURIER

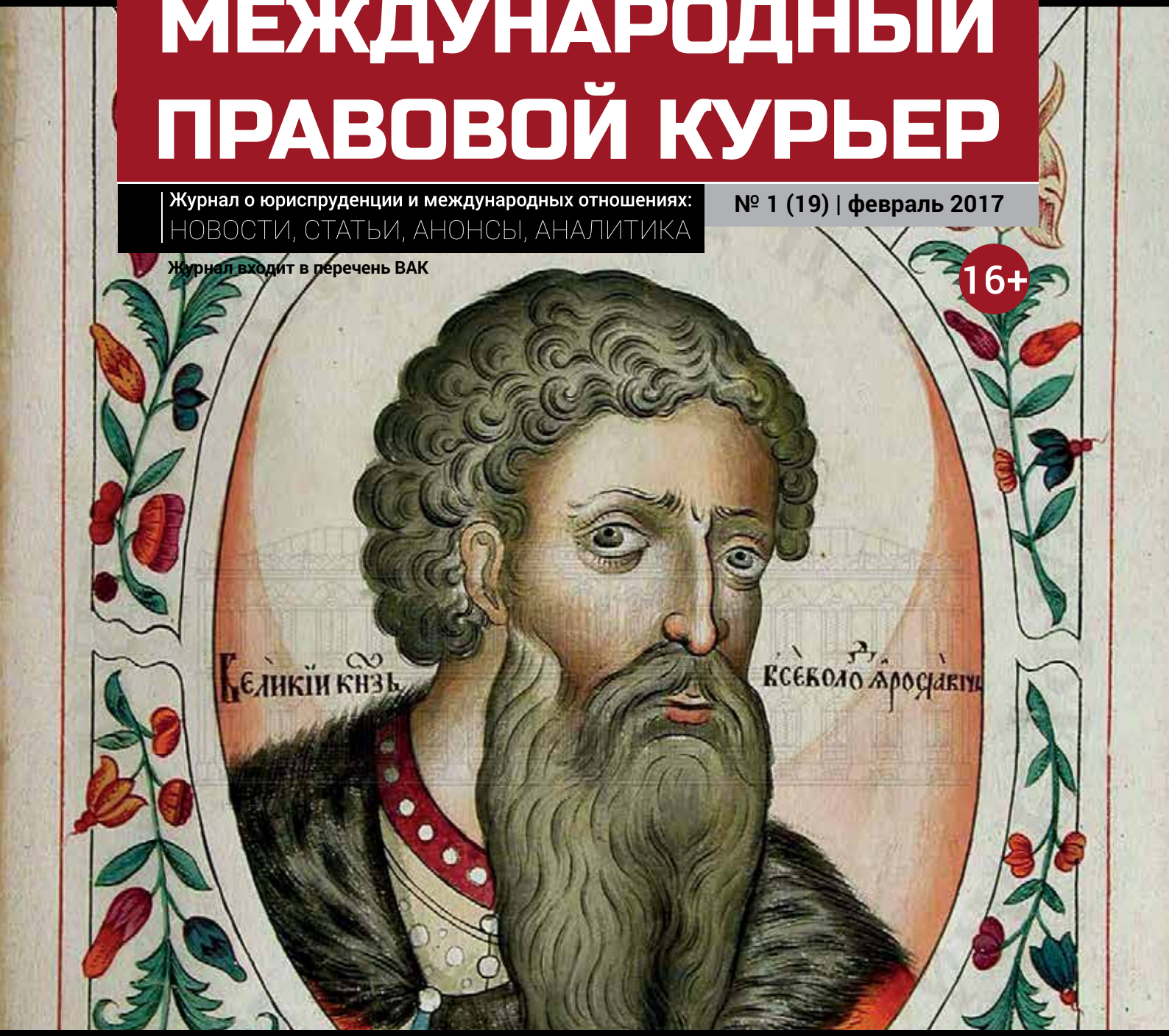
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРАВОВОЙ КУРЬЕР

Журнал о юриспруденции и международных отношениях:
НОВОСТИ, СТАТЬИ, АНОНСЫ, АНАЛИТИКА

№ 1 (19) | февраль 2017

Журнал входит в перечень ВАК

16+



С. 17 | **Русь изначальная и её первозданный источник**
К 925-летию Архангельского Евангелия

К вопросу об обратной отсылке и отсылке к праву третьего государства в законодательстве Российской Федерации | С. 23

С. 27 | **Эволюция законодательства**
Европейского Союза о государственных закупках

Святитель
Илларион Киевский

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

3 | Проблема международной правосубъектности индивидов
С. В. Черниченко

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТОРГОВЫХ ОПЕРАЦИЙ

10 | К вопросу о плюрилатеральных соглашениях Всемирной торговой организации
Е. Н. Никулин

14 | Применение стабилизационной оговорки по российскому праву
Ю. М. Рыбаков, М. Уварова

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

17 | Русь изначальная и её первозданный источник. К 925-летию Архангельского Евангелия
В. Ф. Молчанов

РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВ ТРЕТЬИХ СТОРОН

23 | К вопросу об обратной отсылке и отсылке к праву третьего государства в законодательстве Российской Федерации
Т. Ю. Ларина, Е. И. Мамедова

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

27 | Эволюция законодательства Европейского Союза о государственных закупках
А. М. Камалян

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

32 | Фонд нематериального культурного наследия ЮНЕСКО: международно-правовое измерение
Г. В. Алиева

Проблема международной правосубъектности индивидов

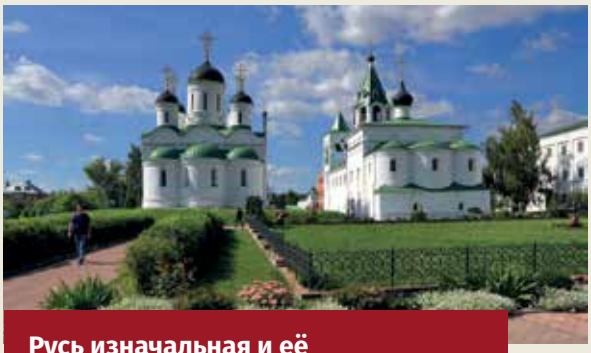
Если исходить из того, что существует объективная граница между внутригосударственным и международным правом, то она является непреодолимой. Иначе нельзя было бы говорить об объективной границе. Именно такая точка зрения лежит в основе объективного дуализма. Отсюда и вывод о невозможности наделения индивидов международной правосубъектностью.

стр. 3

К вопросу о плюрилатеральных соглашениях всемирной торговой организации

Система многосторонних международных соглашений Всемирной торговой организации «неоднородна», поскольку в ней существуют «многосторонние» соглашения с ограниченным числом участников, действующие в отношении тех государств, которые их подписали.

стр. 10



Русь изначальная и её первозданный источник
К 925-летию Архангельского Евангелия

Архангельское Евангелие-апракос 1092 года — документ исторического времени, в которое Русь изначальная закладывала не только вектор, но и фундамент перспективного развития, когда территориальное объединение начиналось с объединения духовно-нравственного.

стр. 17

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Хлестов Олег Николаевич
Председатель Редакционной коллегии, профессор Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации, Чрезвычайный и Полномочный Посол, Вице-президент Российской ассоциации международного права, Заслуженный юрист Российской Федерации.
Oleg N. Khlestov
Chairman of the Editorial Board, Professor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, President of the Russian Association of International Law, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Адвокат Джерардо Маротта
Президент Итальянского института Философских исследований (Неаполь).
Avvocato Gerardo Marotta
Presidente dell Instituto Italiano per gli Stadi Filosofici (President of the Italian Philosopy Institute (Napoly)).

Андреева Ольга Валентиновна
Директор Департамента международного научного и образовательного сотрудничества Российского университета дружбы народов, кандидат исторических наук.
Olga V. Andreeva
Vice-Rector for International Affairs of the Russian Peoples' Friendship University, Ph.D.

Бажанов Евгений Петрович
Ректор Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, академик Всемирной экономической академии, Академии гуманитарных исследований, член Академии политических наук США, почетный доктор Народного университета (г. Пекин) и университета Чжэнчжи (Тайвань).
Evgeny P. Bazhanov
Rector of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the World Academy of Economics, Academy of Humanities Research, a member of the Academy of Political Sciences of the United States, an honorary doctor of the People's University (Beijing) and Chengchi University (Taiwan).

Близнец Иван Анатольевич
Ректор Российской государственной академии интеллектуальной собственности, доктор юридических наук, профессор.
Ivan A. Bliznets
Chancellor of the Russian State Academy of Intellectual Property, Doctor of Law, Professor.

Вихрян Алексей Петрович
Эксперт РАН, заместитель председателя Правления Межрегиональной общественной организации «Национальный комитет общественного контроля», член Союза писателей России.
Alexey P. Vikhryan
Russian Academy of Sciences Expert, Deputy Chairman of the Board for Interregional Public Organization "National Committee of Public Control", a member of the Russian Union of Writers.

Данельян Андрей Андреевич
Главный редактор печатного издания «Международный правовой курьер», заведующий кафедрой государства и права Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации, кандидат юридических наук.
Andrei A. Danelyan
Chief editor of the printed edition "International Legal Courier", Head of the Department of State and Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law.

Жак Ладислав
Директор Карловарского института развития (КРИ) (Чешская республика), кандидат экономических наук
Zhak Ladislav
The director of the Karlovy Vary Development Institute (CWI) (Czech Republic) Candidate of Economic Sciences.

Закаурцева Татьяна Алексеевна
Первый проректор, Проректор по учебной работе Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, член Экспертного Совета по внешней политике Совета Федерации ФС РФ.
Tatyana A. Zakaurtseva
First Vice-Rector, Vice-Rector for Academic Affairs of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, doctor of historical sciences, professor, member of the Expert Council on Foreign Relations of the Federation Council.

Землин Александр Игоревич
Доктор юридических наук, заведующий кафедрой «Транспортное право и административное право» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный университет путей сообщения Императора Николая II».
Alexander I. Zemlin
Doctor of Law, Head of the Department «Transport Law and Administrative Law» Federal State Budget Institution of Higher Professional Education «Moscow State University of Posts Emperor Nicholas II.»

Капустин Анатолий Яковлевич
Первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российской ассоциации международного права, доктор юридических наук, профессор.
Anatoly Y. Kapustin
President of the Russian Association of International Law, Doctor of Laws, Professor.

Мамут Леонид Соломонович
Главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации.
Leonid S. Mamut
Chief Researcher GPI RAS, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Марчук Николай Николаевич
Профессор Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук, академик РАЕН, специалист по истории конституционализма в Латинской Америке.
Nikolay N. Marchuk
Professor of the Russian Peoples' Friendship University, Doctor of Historical Sciences, Academy of Natural Sciences, a specialist in the history of constitutionalism in Latin America.

Минаев Виталий Анатольевич
Генеральный директор АНО «Международный аналитическо-исследовательский центр правовой информации», главный редактор сетевого издания «Международный правовой курьер», официальный представитель Итальянского института философских исследований в России, кандидат юридических наук.
Vitaly A. Minaev
CEO of ANO "Centr BIT RGB," member of UNESCO Chair in intellectual property, authorized representative of the Italian Institute of Philosophical Studies in Russia, Candidate of Legal Sciences.

Мишальченко Юрий Владимирович
Профессор кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, доктор экономических наук.
Yury V. Mishalchenko
The European Studies Department Professor in the St. Petersburg State University, Doctor of Law, Doctor of Economics.

Моисеев Алексей Александрович
Вице-президент Российской ассоциации международного права, профессор, доктор юридических наук, доктор права Австралии.
Alexey A. Moiseev
Vice president of the Russian Association of International Law, Professor, Doctor of Law, Doctor of Australian Law.

Молчанов Виктор Федорович
Заведующий Научно-исследовательским отделом рукописей Российской государственной библиотеки, доктор исторических наук.
Viktor F. Molchanov
Head of the Research Department of Manuscripts of the Russian State Library, Doctor of Historical Sciences.

Никонорова Екатерина Васильевна
Начальник Управления специальных проектов Российской государственной библиотеки, доктор философских наук, профессор кафедры управления природопользованием и охраны окружающей среды МИГСУ, РАНХиГС, член Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации ФС РФ, профессор.
Ekaterina V. Nikonorova
Head of special projects of the Russian State Library, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Environmental Management and Environmental Protection Migs, Ranh and HS, Member of the Scientific Expert Council under the Chairman of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Professor.

Петручак Лариса Анатольевна
Проректор по учебной и воспитательной работе Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член Учебно-методического объединения по юридическому образованию вузов России.
Larissa A. Petrouchak
Vice-rector for academic and educational work of the Moscow State Law Academy, Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia, a member of the Training Association of Legal Education of Russian universities.

Россиус Андрей Александрович
Главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Института философии РАН, член Научного совета Итальянского института философских исследований.
Andrei A. Rossius
Doctor of Philology; Professor of the Department of Classical Philology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow, IPhRAS; Member of the Research Council of the Italian Institute for Philosophical Studies.

Сухарев Александр Яковлевич
Государственный советник юстиции 1-го класса, доктор юридических наук, профессор (6-й Министр юстиции РСФСР, 5-й Генеральный прокурор СССР), Заслуженный юрист Российской Федерации.
Alexander Ya. Sukharev
State Counselor of Justice of Class 1, Doctor of Law, Professor, 6 yministr Justice of the Russian Federation, 5th Prosecutor General of the USSR), Honored Lawyer of the Russian Federation.

Требков Андрей Адамович
Председатель Международного союза юристов, кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации.
Andrew A. Trebkov
President of the International Union of Lawyers, PhD, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Цао Липин
Доцент Института политологии и права Ганьсу (КНР), кандидат юридических наук.
Cao Liping
Graduated from the high school at People's Friendship University with a degree «International Law», «European law». In2011, she defended her dissertation of the candidate of jurisprudence «International public law for the management of maritime transport of goods.» Today - Associate Professor at the Institute of Political Science and Law.

РЕДАКЦИЯ

Данельян Андрей Андреевич — Главный редактор
Фирсова Юлия Георгиевна — Ответственный редактор
Тищенко Светлана — Дизайн и верстка
Шепелев Борис — Дизайн Интернет-версии
Малахова Елена Евгеньевна — Редактор текстов на английском языке
Смолина Елена Геннадьевна — Корректор
Данельян Андрей Андреевич и Минаев Виталий Анатольевич — Авторы концепции
Мая Гергова — SEO-редактор
Федотов Денис Олегович — Руководитель службы научно-информационного обеспечения

Номер ISSN: 2311-4525
«Международный Правовой Курьер» — официальное издание дипломатической академии МИД РФ
Журнал выходит при поддержке Российской Ассоциации международного права

Материалы издания подготовлены при участии:
• Российская государственная академия интеллектуальной собственности
• Дипломатическая академия МИД РФ
• Российский университет дружбы народов
• Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина
• Научно-исследовательский отдел рукописей ФГУ РГБ.
• Межрегиональная общественная организация содействия реализации программ в области противодействия и борьбы с коррупцией «Национальный комитет общественного контроля»

Издатель: АНО «Международный аналитическо-издательский центр правовой информации»
г. Москва, Большой Козловский пер., д. 4, корп. 3, каб.324.
e-mail: inter.legal.info@gmail.com

Генеральный директор Минаев В. А.
e-mail: **v.minaev@inter-legal.ru**

Главный редактор печатного издания Данельян А. А.
e-mail: **a.danelian@inter-legal.ru**

Главный редактор сетевого издания www.inter-legal.ru
Минаев В. А.

Директор по развитию бизнеса Фирсова Ю. Г.
Тел. **+7 (499) 390-35-80;**
e-mail: **yulia.firsova@fmc-media.ru**

www.youtube.com/channel/UCmrSXGcblBKDDNibMD6la5Q
www.facebook.com/ano.maicpi

www.inter-legal.ru

Типография «Маэстро Платинум», г. Москва, ул. Сущевский вал, 64. Тираж от 100 до 1100 экземпляров, с возможным увеличением тиража. Цена свободная. 0+ За содержание рекламных объявлений редакция ответственности не несет. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ No. ФС77-55592 от 07.10. 2013 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Выход в свет 27 февраля 2017 г.

Проблема международной правосубъектности индивидов

Problem of International Personality of the Individual

Если исходить из того, что существует объективная граница между внутригосударственным и международным правом, то она является непреодолимой. Иначе нельзя было бы говорить об объективной границе. Именно такая точка зрения лежит в основе объективного дуализма. Отсюда и вывод о невозможности наделения индивидов международной правосубъектностью

Этот вопрос вызывает оживленную дискуссию, причем часто он связан с обсуждением вопроса о том, что признание индивида субъектом международного права открывает дорогу к наиболее полному обеспечению прав человека. Так ли это на самом деле?

Идея, что индивиды могут быть субъектами международного права и во всё большей степени ими становятся, начала для многих юристов-международников казаться привлекательной. Эта точка зрения такого широкого распространения, как в западной доктрине международного права, в отечественной науке международного права еще не получила, но число её сторонников явно увеличивается. Время от времени они вспоминают старую работу Х. Лаутерпахта «Международное право и права человека», в которой он утверждает, «что в той степени, в какой Устав ООН содержит обязательство уважать основные права и свободы, он ведет к признанию индивида субъектом международного права» [1].

В исследовании «Статус индивида и современное международное право», подготовленном специальным докладчиком Подкомиссии ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств Э.-И. Даес, утверждается, что индивиду следует предоставить правосубъектность (personality) по международному праву и что индивид должен иметь определенные права и ответственность как субъект международного права [2]. Это исследование было написано намного позже работы Х. Лаутерпахта, представленной Подкомиссии в 1989 году. Но, несмотря на подробный анализ соответствующих материалов, вывод, к которому приходит Э.-И. Даес, в принципе не отличается новизной. Забегая вперед, можно считать, что такая точка зрения свойственна монизму. Всё зависит от того, что понимать под субъектом международного права и какой концепции соотношения международного и внутригосударственного права — монистической или дуалистической — придерживаться.

Чтобы уяснить, что такое субъект международного права, необходимо опираться на более общее понятие — на субъект права вообще. Логично рассуждать следующим образом: субъект права — лицо (в собирательном смысле), т. е. индивид, организация, государственный орган, государство и т. д., подчиняющееся непосредственному регулятивному воздействию права, у которого в результате такого воздействия возникают какие-либо субъективные права и обязанности. Соответственно субъект международного права — лицо, подчиняющееся непосредственному регулятивному воздействию международного права, у которого в результате такого воздействия возникают какие-либо субъективные права и обязанности, определяемые нормами и иногда индивидуальными международно-правовыми установками (если, допустим, международный договор предусматривает какие-либо действия однократного характера, например, уступку одним государством другому плотины). Эти установки можно также определять как правила, имеющие однократное применение.

Встречаются и иные точки зрения на понятие субъекта международного права. В. А. Карташкин, например, предлагает следующее определение субъекта международного права: «...это носитель международных прав и обязанностей, который участвует в международных правоотношениях, в создании норм международного права и контроле над их исполнением, а также несет ответственность за нарушение таких норм» [3].

Есть разные оттенки определения субъекта международного права среди тех, кто выступает за признание индивида субъектом международного права. В. А. Карташкин считает свое определение широким и утверждает, что оно годится для признания индивида субъектом международного права с ограниченной правосубъектностью [4]. Но оно как раз не годится для признания индивида субъектом международного права.

Во-первых, *носитель международных прав и обязанностей*, строго говоря, не обязательно является носителем *межгосударственных* прав и обязанностей.

Во-вторых, участие в международных правоотношениях обычно понимается как участие в отношениях, урегулированных международным правом. Конечно, если придерживаться мнения, что индивид способен участвовать в межгосударственных отношениях, тогда можно его признать участником таких отношений и субъектом международного права. Это предложение — явный абсурд.

В-третьих, если считать, что существует ограниченная международная правосубъектность индивидов, такой взгляд не соответствует «широкому» определению субъекта международного права, предложенного В. А. Карташкиным.

Другой автор пишет: «То обстоятельство, что объем этой правосубъектности может носить функциональный (для определенных целей) характер, не противоречит общим критериям международной правосубъектности, которые возникают у лица». Это то же самое, что признать индивида носителем ограниченной международной правосубъектности. Если, к тому же, думать, что есть общие критерии международной правосубъектности, в которые попадает и индивид, то ничего не мешает считать обладающим функциональной международной правосубъектностью любой субъект международного права. Тогда причем здесь ограниченная международная правосубъектность индивида? [5]. Она либо есть, в принципе, либо её нет.

Возвращаясь к «широкому» определению международной правосубъектности, следует заметить, что существуют субъекты, которые только применяют международное право. Это международные суды, арбитражи. Наличие таких субъектов признает и В. А. Карташкин.

В-четвертых, индивиды, как таковые, не создают международное право. Т. Д. Матвеева пытается доказать, что представители неправительственных организаций принимают участие в разработке многих международных договоров, а также говорит о вкладе выдающихся личностей в международное правотворчество [6].

Но их участие не свидетельствует о том, что они непосредственно создают международное право. Никто не будет спорить по поводу расширяющегося участия индивидов в международном нормотворчестве (членов неправительственных организаций, экспертных органов и т. п.). Вместе с тем, индивиды в том или ином качестве (например, в качестве официальных представителей или в личном качестве международных экспертов и т. д.) всегда принимают участие в создании норм международного права. Международное право не существует независимо от людей. Оно, в конечном счете, создается людьми. Тогда все люди, принимавшие участие в создании международного права, должны рассматриваться как субъекты международного права. Можно согласиться с В. А. Карташкиным в том, что индивид принимает опосредованное участие в создании международного права [7].

В-пятых, контрольные механизмы по соблюдению прав человека, состоящие из экспертов, действующих в личном качестве, или судей, не говорят о наделении их членов международной правосубъектностью. Такие механизмы, являясь органами межгосударственного сотрудничества, могут считаться субъектами международного права, но не лица, их образующие (как индивиды). Особо острые споры вызывает вопрос об обращении в международные органы индивидов или их групп с жалобами и о статусе подсудимых в международных судах [8]. Было бы логичным говорить о том, что в этих случаях надо рассуждать о нормах международного права по поводу предоставления индивидам соответствующего статуса *между заинтересованными государствами*, а не наделении самих индивидов международной правосубъектностью. К этой проблеме целесообразно еще раз вернуться позже.

Критике можно подвергнуть мнение о том, что индивид имеет некоторые черты международной правосубъектности [9]. Оно также имеет разные варианты. Как уже было замечено, сторонники международной правосубъектности индивидов часто употребляют выражение «ограниченная международная правосубъектность». Встречаются всё же взгляды на индивида как на лицо, имеющее только черты международной правосубъектности. Иной раз такое мнение носит характер как будто бы отрицания международной правосубъектности индивида.

А. Б. Венгеров в одной из своих работ по теории государства и права высказал мнение, что «правосубъектность включает в себя как правосубъектность и дееспособность, так и деликтоспособность субъекта правоотношения» [10]. Но, во-первых, правоспособность, дееспособность и деликтоспособность — характеристики не субъекта правоотношения, а субъекта права. Их участие в том или ином правоотношении не говорит о том, что они участвуют во всех правоотношениях. Кроме того, нет оснований для выделения такого понятия, как деликтоспособность. Это неотъемлемый элемент дееспособности, что признает и А. Б. Венгеров. Если исходить из того, что правосубъектность включает в себя дееспособность (и тем самым деликтоспособность), то в таком случае отсутствие деликтоспособности означало бы вообще отсутствие правоспособности. Тогда получалось бы, что какие-то лица, на которых распространяют свое непосредственное действие правовые нормы, из-за отсутствия у них дееспособности обладают лишь некоторыми чертами правосубъектности, а не являются субъектами права. Между тем, недееспособные люди, например умалишенные, обладают определенной правоспособностью. И рассматриваются как субъекты права. Они могут участвовать через законных представителей в ряде правоотношений.

Почти то же самое можно сказать и о государстве. Даже если территория государства временно оккупирована и оно недееспособно, оно сохраняет свою правоспособность как участник межгосударственного общения и продолжает быть субъектом международного права. Например, Ирак, когда он был оккупирован американскими и британскими войсками, продолжал быть членом ООН, и никто не ставил под сомнение наличие у него международной правосубъектности.

Р. А. Каламкарян считает, что государства обладают качеством

полноправного субъекта международного права, а физических и юридических лиц оставляет субъектами права с непрямым выходом на международную арену. Он их называет «субъектами международных правоотношений» [11].

Это напоминает рассуждения В. М. Шуршалова, который видел специфику международного права в том, что не всегда «любой субъект международных отношений выступает одновременно (в каждом конкретном случае) и как субъект международного права» [12].

Если субъект международных правоотношений не может быть в каких-то случаях субъектом международного права, то это означает, что общее определение субъекта права не подходит к определению субъекта международного права либо что международное право не вполне право.

Правосубъектность, в том числе и международная, — качество, не зависящее от объема прав и обязанностей, которым лицо обладает в результате распространения на него регулятивного воздействия права. Это бесспорно. Теоретически можно иметь лишь одно право или нести лишь одну обязанность и в силу этого быть субъектом права. Можно, будучи наделенным таким правом или такой обязанностью, участвовать лишь в одном правоотношении или не участвовать в правоотношениях вовсе, но быть субъектом права. Это теоретическое допущение приводится для того, чтобы яснее выглядели относящиеся к данному вопросу соображения. Правосубъектность либо есть, либо не может быть. Нельзя быть чуть-чуть субъектом права. Понятие правосубъектности имеет жесткое содержание. Все сказанное полностью применимо и к субъектам международного права. Субъекты международного права могут иметь правоспособность разного объема, но на их международной правосубъектности это никак не отражается.

Российские сторонники международной правосубъектности индивидов часто прямо не говорят о том, какую теорию соотношения международного и внутригосударственного права они поддерживают — монистическую или дуалистическую.

Иногда можно слышать, что категорическое отрицание международной правосубъектности индивидов связано, в определенной мере, «с этатистским подходом к международному праву и международным отношениям, возвеличиванием роли и значения государства не только внутри общества, но и на международной арене» [13]. Этот довод вряд ли можно считать правовым. События вокруг Украины в 2014-2015 годах и в дальнейшем свидетельствуют о недопустимости принижения роли государства (в положительном или отрицательном смысле).

Здание Международного уголовного суда

Поддержка одной из теорий — монистической или дуалистической — ключевой вопрос. Ответ на него зависит от признания или непризнания возможности наделения индивида международной правосубъектностью. Уместно подчеркнуть, что является их сердцевиной.

Монистическая теория строится на тезисе, согласно которому внутригосударственное и международное право составляют единую правовую систему. Разница между ними в различии норм образования. Внутригосударственное право создается каждым государством в отдельности, а международное право — согласованием волеизъявлений участников межгосударственного сообщества. Отсюда легко сделать вывод, что в случае намерения двух или более государств распространить нормы, содержащиеся в заключенном ими договоре непосредственно на участников внутригосударственных отношений (индивидов, должностных лиц, компаний и т. д.), это можно беспрепятственно сделать. Тогда действительно участники внутригосударственных отношений, поскольку эти отношения могут регулироваться международным правом, станут в подобного рода ситуациях субъектами международного права.

Дуалистическая теория исходит из того, что международное право и внутригосударственное право образуют две различные правовые системы. Первоначально считалось, что для придания силы во внутригосударственной сфере необходимо принятие соответствующего закона (или подзаконного акта), иногда называемого трансформационным. Не касаясь разновидностей этой теории, отметим, что есть другой, более острожный взгляд на регулирование международным правом внутригосударственных отношений. Согласно этому взгляду индивид *в каких-то случаях* является субъектом международного права. По-видимому, это непоследовательная либо монистическая, либо дуалистическая теория.

Может быть выделена своеобразная позиция С. В. Бахина. Его интересуют межгосударственные договоры по унификации [14]. Он полагает, что они, с одной стороны устанавливают взаимные обязательства государств, но, с другой стороны, в их тексты включены правовые нормы, рассчитанные на регулирование отношений с участием частных лиц, не являющихся субъектами международного права. По его мнению, если международные договоры по унификации предназначены для введения единого регулирования отношений какого-либо рода в различных правовых системах, «то достичь искомого единства в их применении будет ни теоретически, ни практически невозможно» [15]. Он добавляет: «Нормы национального права подлежат толкованию в рамках той правовой системы, к которой они относятся. Следовательно, если бы

унифицированные нормы действительно включались в контекст национальной правовой системы, то они с неизбежностью получали бы несовпадающую интерпретацию» [16].

С. В. Бахин не соглашается с теорией трансформации, т. е. *перехода норм международного права в сфере правового регулирования внутригосударственных отношений на национальное право с целью исполнения международно-правовых обязательств в том, что касается положений унифицированных договоров*. Якобы это повлечет различную интерпретацию содержащихся в договоре понятий и т. п. Но ведь то же самое можно сказать о любом международном договоре. Чтобы положения договора в состоянии были действовать во внутригосударственной сфере, необходимо их переадресовать участникам внутригосударственного правового регулирования, т. е. другим субъектам права (субъектам национального права).

Представим себе, что договор предусматривает четкие реквизиты тех или иных документов, обязывающих государства следовать этому без всяких оговорок. Государства, участвующие в договоре, тем самым должны посредством своего национального права обязать свои соответствующие службы исполнять положения договора. Каждое государство-участник договора должно адресовать какие-либо предписания, дозволения или запреты субъектам своего национального права во исполнение своих международно-правовых обязательств перед другими участниками договора. В этом и проявляется взаимодействие международно-правовых норм и норм национального права. Толкование норм национального права, которые действуют во исполнение норм международного права в национально-правовых системах участников договора, могут в высшей степени совпадать. Это зависит от условий договора. *Международное право действует в сфере межгосударственных отношений.* Это и есть *объективный дуализм*.

Вызывают комментарии следующие рассуждения С. В. Бахина: «...в результате подобного прямого действия норм международного права, физические и юридические лица не становятся его субъектами. ...Государства, договорившись между собой об определенном упорядочении взаимоотношений частных лиц, обязывают их (каждое в отношении подчиненных ему лиц) руководствоваться правилами, согласованными в тексте международного договора. Такому договору, по согласованию между государствами, присваиваются на территории государства те же сила и обязательность, каковые имеют нормы его национального права» [17].

Вывод, к которому приходит С. В. Бахин, после этих соображений: «То, что международное право становится... регулятором частноправовых отношений, нисколько не подрывает тезис о его межгосударственном характере. ...Посему и любые отношения, которые государства по взаимному согласию регламентируют, автоматически превращаются в межгосударственные» [18].

Прежде всего, непонятно, почему физические и юридические лица в результате прямого действия международного права не становятся его субъектами. Либо это означает, что такие лица имеют «некоторые черты» международной правосубъектности, которое дано выше. Тогда надо искать другое определение правосубъектности. Либо это означает, что можно быть участником международных правоотношений, но не быть в каких-то случаях субъектом международного права. Тогда невозможно объяснить, каким образом на лица, участвующие в международных правоотношениях, не распространяется прямо некая норма международного права. Чтобы быть участником международных правоотношений, необходимо подпадать под прямое действие соответствующей нормы международного права (или правила, имеющего однократное применение). Нельзя быть стороной международного правоотношения, если тебе не адресованы предписания, дозволения или запреты, установленные нормой или правилом международного права.

Далее, если договор, или точнее правила договора «присваиваются» на территории каждого его участника, та же сила и обязательность, какие имеют нормы его национального права, то это и говорит о том, что данные правила трансформируются в национальное право. Если правила договора посвящены взаимоотношениям частных лиц, то такие лица не становятся субъектами международного права. Нельзя считать, что международное право имеет в подобных случаях прямое действие.

Если частноправовые отношения якобы автоматически становятся межгосударственными в результате международно-правового регулирования, то это свидетельствует о том, что государства договариваются об урегулировании отношений *между собой* по поводу отношений между частными лицами.

Это вопрос, который выходит за границы обсуждения проблемы прав человека и имеет общетеоретическое значение. В связи с этим представляет интерес еще одна точка зрения, которая касается и международной правосубъектности индивидов. Б. И. Нефёдов предложил наряду с межгосударственными и внутригосударственными отношениями выделить трансграничные отношения. Он признаёт: «Нормы международных договоров действительно не регулируют внутригосударственные отношения» [19]. Но он считает, что предоставление рядом международных договоров физическим лицам прав непосредственного обращения в международные органы — это регулирование трансграничных отношений, которые не являются ни внутригосударственными, ни межгосударственными. Субъекты таких отношений являются носителями не международной, а трансграничной правосубъектности. Оказывается, дело здесь в новых структурных элементах права как такового — межсистемных образованиях, которые, однако, не образуют самостоятельную правовую систему. Это устойчивые совокупности коллизионных и материальных внутригосударственных и международно-правовых норм, направленных на урегулирование трансграничных отношений [20].

Почему трансграничных? Ответ, по мнению Б. И. Нефёдова, ясен: «Одни и те же трансграничные отношения даже могут быть поочередно урегулированы то нормой национального закона, то нормой международного договора и наоборот, но при этом они не меняют своей правовой природы...» [21].

Он продолжает: «Трансграничные правоотношения, хотя и обладают иностранным элементом, в силу чего выходят за пределы юрисдикции одного государства, не могут рассматриваться в качестве международных межгосударственных отношений, даже если они будут урегулированы нормами международных договоров. Не являются они и внутригосударственными отношениями, даже если будут урегулированы нормой национального права» [22].

Не будем обсуждать, почему *правоотношения* могут быть *урегулированы* нормами договора или

нормой национального права. Правоотношения означают, что данные общественные отношения уже урегулированы нормами права. Нельзя урегулировать то, что означает результат урегулирования.

Видимо, теория трансграничных отношений кажется наиболее подходящей для обоснования утверждения о возможности прямого регулирования нормами международных договоров не только межгосударственных отношений, но и для обоснования возможности прямого регулирования нормами международных договоров участия индивидов. В то же время мысль о трансграничных отношениях не говорит якобы о появлении ещё одной правовой системы, занимающей промежуточное положение между международным и внутригосударственным правом, а о существовании межсистемных образований. Эти образования имеют сложный механизм правового регулирования, «отягощённый» иностранным элементом [23].

Факт существования системных правовых образований известен довольно давно. Это «переплетение» комплекса международно-правовых и внутригосударственных связей. Никакой особой новизны здесь нет.

Б. И. Нефёдов усматривает новизну в том, что есть трансграничные отношения, которые не являются внутригосударственными, но могут образовывать нормы международных договоров, предоставляющих физическим и юридическим лицам прямой доступ в международные органы. Это не межгосударственные отношения, что бесспорно, но категорический вывод более общего плана о том, что способность международно-правовых норм к прямому регулированию общественных отношений с участием индивидов не подлежит сомнению, вызывает возражения [24].

Если международный договор объективно в состоянии регулировать только межгосударственные отношения, то ни о каком регулировании им отношений с участием индивидов не может быть и речи. Допустимо думать, что индивид или юридическое лицо в состоянии участвовать в международных отношениях немежгосударственного характера. Есть основания считать, что в таком случае мы имеем дело с разновидностью внутригосударственных отношений.

Если предположить, что в каких-то случаях международный договор

Токийский трибунал

(точнее, его нормы) начинает регулировать отношения с участием индивидов (и юридических лиц), то можно считать договор регулирующим наряду с межгосударственными отношениями и немежгосударственные отношения. Все зависит тогда от намерений договаривающихся государств. Такая позиция свойственна монизму. Но от теории трансграничных отношений ничего не остаётся. Если международное право прямо регулирует отношения с участием индивидов, то они в таких случаях становятся субъектами международного права (с учетом критики относительно непоследовательности рассуждений о «специфичности» и т. п. международной правосубъектности индивидов).

Теперь надо сказать о международных отношениях немежгосударственной природы. Если имеются в виду нормы, указывающие на то, нормы какого внутригосударственного права должны быть выбраны, то, в конечном счете, мы должны иметь дело с внутригосударственным правом. Нет никакой причины конструировать трансграничные отношения. Если международный договор предусматривает выбор национального права кого-либо из его участников, то этот участник обязан предусмотреть в своём национальном праве соответствующее положение. Если национальное право предусматривает выбор национального права другого государства, то надо говорить именно о выборе «чужого» внутригосударственного права. Никто не будет спорить, что, поскольку мы рассуждаем о выборе национальных правовых систем, определённые отношения пересекают государственные границы. Так или иначе, мы говорим о взаимодействии национальных правовых систем.

Было бы правильным видеть некоторые различия между национальным и внутригосударственным правом. Понятие внутригосударственного права шире, хотя они употребляются часто как имеющие одинаковое значение. Понятие внутригосударственного права включает и нормы, которые государства не считают входящими в систему своего национального права.

Известна практика заключения договоров между компаниями, являющимися субъектами национального права разных государств. Государства в каких-то пределах дают им возможность самим определять нормы взаимоотношений друг с другом. Однако в случае возникновения судебного дела, связанного с такими нормами, будут применяться эти нормы, как если бы они были нормами национального права, в котором дело рассматривается. Сложности могут возникнуть в связи с делом, подлежащим рассмотрению в международном арбитраже. Не останавливаясь на этом, признаём, что и здесь надо говорить о внутригосударственном праве, а не «промежуточных» отношениях между внутригосударственным и международным правом.

Следует выделить и контракты между служащими межправительственных организаций и этими организациями. Государства, создающие такого рода организации, соглашаются в том, что эти отношения будут регулироваться не национальным правом каждого из них, а нормами, установленными самими организациями. В обоих указанных случаях можно говорить о транснациональных

отношениях (термин более привычный, чем употребляемый Б. И. Нефёдовым термин «трансграничные отношения»), поскольку заинтересованные государства не включают соответствующие нормы в свою систему национального права. В последнем случае организации выступают как юридические лица, не имеющие национальности. Возникает своего рода отказ государств-членов организаций от применимости своего национального права на коллективной основе в пользу норм контрактов, установленных данными организациями.

О «совместном» праве можно вспомнить, когда было установлено право Союзным Контрольным Советом для Германии в 1945 году. Оно было на каком-то этапе унифицированным и предназначенным для каждой зоны оккупации. Но оно находилось за пределами системы национального права каждого из оккупирующих держав.

Вопрос о международной правосубъектности индивидов желательно затронуть, рассматривая положение подсудимых в международных судебных органах.

Прежде всего, необходимо обратиться к Нюрнбергскому и Токийскому процессам. Как правило, сосредотачивают внимание на Нюрнбергском процессе. В них много сходного. Правда, Токийский трибунал был создан по приказу Главнокомандующего союзными войсками в Японии. Но он был издан во исполнение международного соглашения. В состав Трибунала вошли судьи от США (оккупирующей державы), СССР, Великобритании, Франции и других государств. Это доказывает, помимо всего прочего, международный характер Трибунала [25].

То, что приковывает внимание к Нюрнбергскому процессу, объясняется, в частности, резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 95 (I) от 11 декабря 1946 года. Она подтвердила, что принципы, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в приговоре, являются принципами международного права. Она свидетельствует об opinio juris. В этом состоит её особое значение. Формулировки Нюрнбергских принципов так и не были завершены, оставшись текстом, принятым только Комиссией международного права. Можно, тем не менее, полагать, что она стала отражать в той или иной степени международное обычное право, учитывая последующую практику и дальнейшее развитие доктрины. Они оказали существенное влияние на Римский Статут Международного уголовного суда 1998 года.

Нюрнбергский процесс. Первые лица государств-победителей

Согласно ст. 5 Римского Статута, Международный уголовный суд обладает юрисдикцией в отношении следующих преступлений: a) преступления геноцида; b) преступлений против человечности c) военных преступлений d) преступления агрессии [26]. Не касаясь проблемы ответственности индивидов за агрессию, которая вызывает сложности в связи с компетенцией Совета Безопасности определять агрессию, совершаемую государством, можно предположить, что геноцид, преступления против человечности и военные преступления, как они раскрываются в Статуте, стали общепризнанными.

Другие международные суды, занимающиеся уголовной ответственностью индивидов, практически опираются на Нюрнбергские принципы [27].

Было бы полезным также вспомнить о Принстонских принципах по универсальной юрисдикции, подготовленных на неправительственном уровне в 2001 году. В России они мало известны, но они показывают, что в доктрине нет сомнений об общепризнанном характере ряда действий индивидов как преступных. Среди них военные преступления, преступления против мира, преступления против человечности, геноцид [28]. Большая часть из них может означать, что они говорят и о государственной политике, представляющей собой тяжкие нарушения международного права, которые должны повлечь международно-правовую ответственность государства, совершившего их.

Поскольку нас интересует вопрос о международной правосубъектности индивидов в качестве подсудимых в международных органах, выскажем одно соображение по этому поводу, которое кажется уместным. Статус подсудимых в таких органах, процессуальные их права, нормы, связанные с их защитой и т. п., принятые во исполнение норм международного права, будут, в конечном счёте, определяться нормами внутригосударственного права, не обязательно формально включёнными в систему национального прав. В этом смысле можно говорить о транснациональном эффекте складывающихся отношений. Это особенно ясно, если обратиться к Лондонскому соглашению от 8 августа 1945 года, учредившему Международный Военный Трибунал [29].

Отмечалось, что Трибунал молчаливо признал универсальную юрисдикцию в отношении преступлений против мира, военных преступлений

и преступлений против человечности. Отмечалось также, что деяния главных военных преступников не были связаны с определённым географическим районом. Следует подчеркнуть еще одну мысль: организовав Трибунал, союзные державы сделали совместно то, что каждая из них могла бы сделать в отдельности [30]. Неизбежно, таким образом, было заключение международного договора (соглашения). Но это говорит о том, что во исполнение договора подразумевается и непосредственное применение к индивидам-обвиняемым своего рода совместного права, т. е. в нашем понимании внутригосударственного.

Надо также представить, что если государства заключили между собой соглашение о назначении единого арбитра или эксперта для решения каких-либо вопросов, возникающих между ними, то это не превращает указанных лиц в субъектов международного права. Таких лиц следует рассматривать как механизм сотрудничества между данными государствами. Сложное взаимодействие в подобных ситуациях международного и внутригосударственного права требует каждый раз конкретного анализа.

Подводя итоги сказанному, есть основание утверждать, что отстаивание гипотезы о международной правосубъектности индивидов ничего не дает для защиты прав человека. Для их обеспечения важны не отвлеченные теоретические рассуждения, а принятие и осуществление на практике международно-правовых и внутригосударственных норм о правах человека. ■

Библиография:

- Бахин С.В. Международное и национальное право: соотношение правовой природы/ Современное международное право: теория и практика. М.: Оригинал Макет, 2015.
- Валеев Р.М. Нюрнбергские принципы и их влияние на развитие современного международного права (к 65-летию Нюрнбергского процесса) / Российский ежегодник международного права, 2010. СПб, Россия-Нева, 2011.
- Венгеров А.Б. Теория государства и права. Часть II. Том II. М.: Юристъ: 1996.
- Док. ООН A/ Conf 183/9, 17 July, 1998.
- Каламкарян Р.А. Философия международного права. М.: НАУКА, 2016
- Карташкин В.А. Организация Объединенных наций и международная защита прав человека в XXI веке. М.: Норма, 2015
- Матвеева Т.Д. Человек и международное право (к вопросу о международной правосубъектности индивидов) / Российский ежегодник международного права. 2010. СПб, Россия-Нева, 2011
- Нефедов Б.И. Фундаментальные проблемы теории международного права и трансграничные отношения // Евразийский юридический журнал, 2015, №5.
- Рагинский М.Ю. Розенблит С.Я. Международный процесс главных японских военных преступников. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Ромашев Ю.С. Международно-правовые основы борьбы с преступностью. Т.II. М.: Национальный институт бизнеса, 2006.
- Соглашение между Правительствами СССР, США, СК Великобритании и Северной Ирландии и временным Правительством Французской Республики о судебных преследованиях и наказании главных военных преступников европейских стран оси, 8 августа 1945 г. / Действующее международное право. Т. 3. М.: Изд-во МНИМП, 1997
- Шуршалов В.М. Международные правоотношения. М.: Междунар. отношения, 1971.
- Hall C.K. Contemporary universal jurisdiction / Human Rights and Criminal Justice for the Downtrodden Leiden / Boston, 2003.
- The Princeton Principles on Universal Jurisdiction. Princeton, New Jersey, 2001.
- UN Doc. E/CN.4/Sub.2/1989/40, 26 July 1989.

[1] Lauterpacht H. International law and Human Rights. London, 1950, p. 35.
[2] UN Doc. E/CN.4/Sub.2/1989/40, 26 July 1989, p.98.
[3] Карташкин В.А. Организация Объединенных Наций и международная защита прав человека в XXI веке. М.: Норма, 2015, с. 130
[4] Там же, с. 131.
[5] Матвеева Т.Д. Человек и международное право (к вопросу о международной правосубъектности индивидов)/Российский ежегодник международного права. 2010. СПб: Россия-Нева. 2011, с. 63.
[6] Там же, с. 64-67
[7] Карташкин В.А. Указ. Соч., с. 130
[8] Lauterpacht H. Op. cit., p. 34, 52, 54.
[9] Карташкин В.А. Указ. соч., с. 128
[10] Венгеров А.Б. Теория государства и права. Часть II. Том II. М.: Юристъ: 1996, с. 19
[11] Каламкарян Р.А. Философия международного права. М.: Наука, 2006, с. 87
[12] Шуршалов В.М. Международные правоотношения. М.: Международные отношения. 1971, с. 45
[13] Валеев Р.М. Нюрнбергские принципы и их влияние на современное международное право (к 65-летию Нюрнбергского процесса)/Российский ежегодник международного права. 2010. СПб.: Россия-Нева. 2011, с.49
[14] Бахин С.В. Международное и национальное право: соотношение правовой природы./Современное международное право: теория и практика. М.: Оригинал Макет. 2015, с. 96
[15] Там же, с. 97.
[16] Там же.
[17] Бахин С.В. Указ. соч., с. 99
[18] Бахин С.В. Указ. соч., с. 99.
[19] Нефедов Б.И. Фундаментальные проблемы теории международного права и трансграничные отношения//Евразийский юридический журнал. 2015, №5, с. 20
[20] Там же, с. 21
[21] Там же.
[22] Нефедов Б.И. Указ. соч., с. 21.
[23] Там же, с. 19-22.
[24] Там же, с. 22-23
[25] Рагинский М.Ю. Розенблит С.Я. Международный процесс главных японских военных преступников. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950, с. 47-56.
[26] Док. ООН A/ Conf 183/9, 17 July, 1998., p. 5.
[27] Ромашев Ю.С. Международно-правовые основы борьбы с преступностью. Т.II. М.: Национальный институт бизнеса, 2006, с. 350-413.
[28] The Princeton Principles on Universal Jurisdiction. Princeton, New Jersey, 2001, p. 29.
[29] Действующее международное право. Т.3. М.: Изд-во МНИМП, 1997, с. 761-771.
[30] Hall C.K. Contemporary universal jurisdiction / Human Rights and Criminal Justice for the Downtrodden Leiden / Boston, 2003, p. 115-116.

TAGS: индивид, международное право, ООН, права человека, Нюрнбергские принципы, individual, international law, the United Nations, human rights, the Nuremberg Principles

Станислав Валентинович Черниченко,
Доктор юридический наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Института государства и права (РАН)

Annotation:

It can be noted that among Russian specialists in the field of international law the supporters of the point of view that the individual becomes the subject of international law appears more often. There is an opinion that the individual is a subject of international law with "a specific character". These views contradict the fact that international law objectively regulates only interstate relations. ■

Stanislav V. Chernichenko
Doctor of Law, Professor, Merited Scholar of the Russian Federation, Head Researcher of the Institute of State and Law (RAS).

Аннотация:

Можно отметить, что среди российских специалистов в области международного права чаще появляются сторонники точки зрения, что индивид становится субъектом международного права. Есть мнение, что индивид является субъектом международного права, имеющим «специфический характер». Эти взгляды противоречат тому, что международное право объективно регулирует только межгосударственные отношения. ■

Источники иллюстраций:
wikimedia
novorossia.su
pikabu.ru

К вопросу о плюрилатеральных соглашениях Всемирной торговой организации

To the issue of plurylateral agreements of the world trade organization

Система многосторонних международных соглашений Всемирной торговой организации «неоднородна», поскольку в ней существуют «многосторонние» соглашения с ограниченным числом участников, действующие в отношении тех государств, которые их подписали

Рассмотрение *prima facie* нормативно-правового состава *(corpus juridicum)* «права ВТО» очевидным образом подтверждает его сложно-структурные характеристики. Марракешские соглашения об учреждении Всемирной торговой организации включают в себя двадцать международных соглашений, из которых шестнадцать (ГАТТ, ГАТС, ТРИПС и дополнительные соглашения по специальным вопросам) действуют в отношении всех членов ВТО, т. е. являются «многосторонними» международными договорами, порождающими обязательства для всех Членов ВТО.

Система многосторонних международных соглашений Всемирной торговой организации «неоднородна», поскольку в ней существуют «многосторонние» соглашения с ограниченным числом участников, действующие в отношении тех государств, которые их подписали. Такие многосторонние соглашения именуются «плюрилатеральными» *(Plurilateral Agreements)*[1].

Термин «плюрилатеральный» в контексте «права ВТО» применяется для определения многостороннего соглашения, участниками которого являются три и более государства. Несмотря на ограниченный круг участников, плюрилатеральные соглашения «объединяет» нормативный и институциональный механизм Всемирной торговой организации, и они входят в *corpus juridicum* «права ВТО».

В «эпоху ГАТТ 1947/ГАТТ 1994» действовали разнообразные многосторонние соглашения, согласование которых происходило в рамках различных раундов. В общем плане режим Генерального соглашения был основан на двух типах соглашений: соглашения, в которых участвовали все государства-члены («Договаривающиеся стороны»); соглашения с ограниченным составом участвующих сторон.

Женева. Конференция Министерств 18-20 мая 1998

Так, в рамках Токийского раунда (1973-1979 года) были разработаны:

- Соглашение о субсидиях и компенсационных мерах *(Agreement on Subsidies and Countervailing Measures)*;
- Антидемпинговое соглашение *(Anti-dumping Agreement)*;
- Соглашение о технических барьерах в торговле *(Agreement on Technical Barriers to Trade)*;
- Соглашение о процедурах лицензирования импорта *(Agreement on Import Licensing Procedures)*;
- Соглашение об оценке таможенной стоимости *(Customs Valuation Agreement)*;
- Соглашение по торговле гражданской авиатехникой *(Agreement on Trade in Civil Aircraft)*;
- Соглашение о государственных закупках *(Agreement on Government Procurement)*;
- Соглашение по молочной продукции *(International Diary Agreement)*;
- Соглашение по мясным продуктам *(International Bovine Meat Agreement)*.

По состоянию на июнь 1995 года из 128 «Договаривающихся сторон» ГАТТ 18 подписали Соглашение о субсидиях и компенсационных мерах, 24 — Антидемпинговое соглашение, 38 — Соглашение о технических барьерах в торговле, 26 – Соглашение о процедурах лицензирования импорта, 18 – Соглашение об оценке таможенной стоимости, 18 – Соглашение по торговле гражданской авиатехникой,

[1] Agreement on Trade in Civil Aircraft, Agreement on Government Procurement. URL:https://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/tif_e/agrm10_e.htm (Дата обращения: 30.04.2017).

13 — Соглашение о государственных закупках[2].

Фактически число стран-участников Соглашений ГАТТ не всегда было одинаковым и даже по ключевым соглашениям в целом колебалось от 10 до 40 из 128 «Договаривающихся сторон» ГАТТ. Не одинаковое число участников соглашений ГАТТ в том числе связывалось с тем, что принятие международных обязательств, вытекающих из участия в тех или иных соглашениях, «выходит за рамки возможностей государства, включая реализацию решений, принятых в рамках органа по разрешению споров»[3].

Несмотря на ограниченный круг участников вышеобозначенных Соглашений ГАТТ, терминологически понятие «плюрилатеральные соглашения» *(Plurilateral Agreement)* не использовалось. Вместе с тем, вывод о том, что плюрилатеральные инициативы международных переговоров сформировались в рамках ГАТТ и этот подход был впоследствии воспринят Всемирной торговой организацией, как представляется, имеет правовые основания.

Уругвайский раунд завершился в конце 1993 года, а в 1995 году была учреждена Всемирная торговая организация. Важно отметить, что на Уругвайском раунде получил закрепление «принцип единой инициативы» *(Single Undertaking Principle)*, суть которого — «ничего не согласовано до тех пор, пока всё не согласовано». Такой подход, несомненно, значительно укрепил правовой режим, касающийся прав и обязательств государств-участников ГАТТ (а впоследствии и стран-членов Всемирной торговой организации) и способствовал формулированию новых правил «эпохи ВТО».

«Судьба» многосторонних соглашений с ограниченным числом участников, *первоначально* согласованных в ходе Токийского раунда 1981 года сложилась по-разному. Два многосторонних соглашения с ограниченным числом участников действуют в настоящее время, и они квалифицированы как плюрилатеральные соглашения.

Речь идет, прежде всего, о Соглашении по торговле гражданской авиатехникой *(Agreement on Trade in Civil Aircraft)*, вступившем в силу 1 января 1980 года и подписанном 31 государством, и Соглашении о государственных закупках *(Agreement on Government Procurement)*, вступившем в силу 1 января 1981 года.

Вид на ВТО

Два многосторонних соглашения с ограниченным числом участников, а именно: Соглашение по молочной продукции *(International Diary Agreement)* и Соглашение по мясным продуктам *(International Bovine Meat Agreement)* не вступили в силу, их действие фактически было приостановлено в 1995 году, и в 1997 году они были окончательно отменены[4].

В рамках Всемирной торговой организации многосторонние соглашения с ограниченным числом участников именуются плюрилатеральными соглашениями. Согласно определению понятия «плюрилатеральное соглашение», сформулированном в глоссарии Всемирной торговой организации, таковыми являются соглашения с участием только некоторых Членов ВТО[5].

Плюрилатеральное соглашения подразумевает, что странам-членам будет предоставлен выбор участия/неучастия на добровольной основе. С правовой точки зрения такой подход контрастирует с многосторонним соглашением, в котором принимают участие все Члены Всемирной торговой организации, к примеру, Марракешское соглашение об учреждении ВТО.

Вместе с тем, в Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации, во-первых, непосредственно включены четыре плюрилатеральных соглашения (Приложение 4) и они составляют неотъемлемую часть Марракешского соглашения, а именно: Соглашение по торговле гражданской авиатехникой, Соглашение о государственных закупках, Соглашение по молочной продукции и Соглашение по мясным продуктам (т. е. вышеупомянутые Соглашения).

Во-вторых, оно содержит ряд нормативных положений, которые позволяют Членам ВТО вести переговоры о заключении плюрилатеральных соглашений, и они закреплены следующими статьями Марракешского соглашения:

1. Статья II Марракешского соглашения — «Соглашения и связанные с ними правовые документы, включенные в Приложении 4 (в дальнейшем именуемые «Торговые соглашения с ограниченным кругом участников»), также составляют часть настоящего Соглашения для тех членов, которые их приняли, и являются обязательными для этих членов. Торговые соглашения с ограниченным кругом участников не создают обязательств или прав для членов, которые их не приняли» (п. 3)[6].

Марракешское соглашение и Список приложений на английском языке опубликованы в Собрании законодательства Российской Федерации (10 сентября 2012 г. № 37 (приложение, ч. V). С. 2019-2031). Приведем английский вариант рассматриваемой статьи: «The agreements and associated legal instruments included in Annex 4 (hereinafter referred to as «*Plurilateral Trade Agreements*») — (выделено авто-

[2] GATT Analytical Index. URL:https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/gatt_ai_e/gatt_ai_e.htm (Дата обращения: 30.04.2017).

[3] Nacatomi M. Plurilateral Agreements: A Viable Alternative to the World Trade? ADBI Working Paper Series. 2013. P.2-3. URL:https://www.adb.org/sites/default/files/publication/156294/adbi-wp439.pdf (Дата обращения: 30.04.2017).

[4] International Diary Agreement, International Bovine Meat Agreement. URL:https://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/tif_e/agrm10_e.htm (Дата обращения: 30.04.2017).

[5] WTO Glossary. URL:http://www.wto.org/english/thewto_e/glossary_e/glossary_e.htm (Дата обращения: 30.04.2017).

[6] Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации. Собрание законодательства РФ. 10 сентября 2012 г. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2514-2523

Вид на галерею ВТО

ром) — are also part of this Agreement for those Members that have accepted them, and are binding on those Members. The *Plurilateral Trade Agreements* do not create either obligations or rights for Members that have not accepted them»[7].

Сказанное дает основание, для целей настоящей статьи, далее вместо понятия «соглашения с ограниченным кругом участников» использовать понятие «плюрилатеральное соглашение».

2. Статья III Марракешского соглашения — «ВТО способствует выполнению, применению и действию настоящего Соглашения и многосторонних торговых соглашений, содействует осуществлению их целей, а также обеспечивает рамки для выполнения, применения и действия плюрилатеральных соглашений» (п. 1).

3. Статья IV Марракешского соглашения — «Органы, предусмотренные плюрилатеральными соглашениями, выполняют функции, предписанные им этими Соглашениями, и действуют в институциональных рамках ВТО. Эти органы на регулярной основе информируют Генеральный совет о своей деятельности (п. 8).

4. Статья XIV Марракешского соглашения — «Принятие и вступление в силу плюрилатерального соглашения регулируются положениями такого Соглашения. Депозитарием таких Соглашений является Генеральный директор Договаривающихся Сторон ГАТТ 1947. После вступления в силу настоящего Соглашения, депозитарием таких Соглашений становится Генеральный директор ВТО» (п. 4).

5. Статья XVI Марракешского соглашения — «Оговорки в отношении любого положения настоящего Соглашения не допускаются. Оговорки в отношении любого из положений Многосторонних торговых соглашений могут делаться только в пределах, предусмотренных в этих Соглашениях. Оговорки в отношении положения плюрилатерального соглашения регулируются положениями такого Соглашения» (п. 5).

Таким образом, приведенные нормативные положения отмеченных статей Марракешского соглашения свидетельствуют о том, что Члены ВТО вправе заключать плюрилатеральные соглашения несмотря на ограниченный круг участников, эти соглашения опираются на нормативно-правовой и институциональный механизм Всемирной торговой организации, входя в *corpus juridicum* «права ВТО».

В международно-правовой доктрине плюрилатеральные соглашения рассматриваются некоторыми учеными как отражение важности использования инструментов рыночного регулирования в конкретной сфере торгово-экономических отношений. Такой подход, к примеру, высказал в отношении плюрилатерального Соглашения о государственных закупках М. А. Корвалья[8].

Мишитака Накатоми (Nakatomi Michitaka) занимает близкую концептуальную позицию. Так, задавшись вопросом о том, являются ли плюрилатеральные соглашения жизнеспособной альтернативой соглашений Всемирной торговой организации, он приходит к положительному ответу на этот вопрос. Аргументация Накатоми М. сводится в общем плане к тому, что плюрилатеральные соглашения: «прокладывают путь для решения конкретных вопросов; обеспечивают гибкий подход к кругу участников, способны регулировать целый ряд отношений фактически без использования механизмов Всемирной торговой организации при принятии решений; обеспечивают своевременное реагирование на быстро меняющиеся потребности развития торговли». Более того, по его мнению, плюрилатеральные соглашения — подготовка к многостороннему нормотворчеству в будущем[9].

Примечательно, что в определенный «временной период» те или иные соглашения Всемирной торговой организации в международно-правовой доктрине квалифицируются как плюрилатеральные соглашения и, в качестве примера, можно привести Соглашение об упрощении процедур торговли *(WTO Trade Facilitation Agreement, TFA)*[10], которое стало своеобразной вехой развития глобальной многосторонней международной торговой системы.

Соглашение об упрощении процедур торговли было принято в рамках Дохийской повестки Всемирной торговой организации в области развития. После ратификации Соглашения 104 Членами Всемирной торговой организации (т. е. 2/3 стран-членов из 164 государств ВТО), в феврале 2017 года оно вступило в силу. Соответственно, Соглашение об упрощении процедур торговли преодолело «пороговый показатель», становится международным договором и частью «пакетных» многосторонних торговых Соглашений Всемирной торговой организации, фактически охватывая более 96% мирового ВВП.

Вступление в силу Соглашения об упрощении процедур торговли имеет непосредственное значение для Российской Федерации, являющейся участницей этого Соглашения. Согласно «Протоколу внесении изменений в Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации», подписанном вместе с «Соглашением об упрощении процедур торговли» (подписанном в г. Женеве 27.11.2014 г.), Российская Федерация приняла условия

[7] Текст на английском языке Марракешского соглашение об учреждении Всемирной торговой организации
Собрание законодательства РФ. 10 сентября 2012 г. № 37 (приложение, ч. V). С. 2019-2031.

[8] Корвалья М.А. Присоединение стран ВЕКЦА к Соглашению ВТО по правительственным закупкам: обязательства и ожидания // Информационно-аналитический бюллетень «Мосты». 2014. Цитируется по Право ВТО: теория и практика применения: монография / Л.П. Ануфриева, В.А. Жданов, П.А. Калиниченко и др.; под ред. Л.П. Ануфриевой. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2016.

[9] Nakatomi M. Plurilateral Agreements: A viable alternative to the WTO? 2013. URL:https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/wts_future2013_e/nakatomi.pdf (дата обращения: 30.04.2017).

[10] WTO Trade Facilitation Agreement, TFA. URL: https://www.wto.org/english/news_e/news17_e/fac_31jan17_e.htm (Дата обращения: 30.04.2017).

Соглашении об упрощении процедур торговли[11].

В глобальной многосторонней международной нормативно-правовой торговой системе Всемирной торговой организации Соглашение об упрощении процедур торговли рядом государств-членов ВТО рассматривалось как плюрилатеральное[12]. Отметим, Соглашение об упрощении процедур торговли обсуждалось в рамках Дохийского раунда и в составе так называемого «Балийского пакета соглашений». При этом приятие именно этого Соглашения оценивалось как наиболее значимый результат Министерской конференции Всемирной торговой организации (Бали)[13].

Обратим внимание, что фактически до 2015 года проходили острые дебаты относительно поддержки и принятия Соглашения об упрощении процедур торговли, наиболее «крайнюю» позицию высказывали, наряду с другими государствами, Индия, Куба, Боливия, Венесуэла и другие, преимущественно развивающиеся, государства. В этой связи Соглашение об упрощении процедур торговли оценивалось как «плюрилатеральная инициатива», идущая вразрез с основополагающими принципами прозрачности, открытости и многосторонности, отвлекающая членов ВТО от стремления к коллективным результатам»[14].

Вступление в силу Соглашения об упрощении процедур торговли (февраль 2017 года) *de jure* ставит точку в его правовой оценке. Вряд ли в международно-правовой доктрине Соглашение будет отнесено к плюрилатеральным. Во всяком случае, исследование Соглашения об упрощении процедур торговли получит дальнейшую доктринальную разработку.

К числу плюрилатеральных соглашений Всемирной торговой организации также относятся:

- Соглашение об информационных технологиях *(Information Technology Agreement, ITA)*;
- Соглашение о финансовых услугах и базовых телекоммуникационных услугах *(Financial Services and Basic Telecommunication Services Agreements, ITA)*;
- Торговое соглашение по борьбе с контрафактной продукцией *(Anti-Counterfeiting Trade Agreement, ACTA)*[15].

В заключение следует отметить, что плюрилатеральные соглашения, с одной стороны, регулируют сравнительно узкий и специфический вид международных отношений, появление которых так или иначе отражает изменяющиеся потребности и определенные условия (периоды) развития международной торгово-экономической сферы. С другой стороны, в круг участников плюрилатеральных соглашений, как правило, не входят развивающие страны или их число невелико. ■

[11] Федеральный закон от 02.03.2016 № 38-ФЗ «О принятии Протокола о внесении изменений в Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации», а также см. об этом подробнее: Халипов С.В. Правовые и практические аспекты реализации Российской Федерацией Соглашения ВТО об упрощении процедур торговли в условиях Евразийского экономического союза // Таможенное дело. – 2016.– № 4. – С. 21-24.

[12] Халипов С.В. Правовые и практические аспекты реализации Российской Федерацией Соглашения ВТО об упрощении процедур торговли в условиях Евразийского экономического союза // Таможенное дело. 2016. № 4. С. 21-24.

[13] Право ВТО: теория и практика применения: Монография / Ануфриева Л.П., Жданов В.А., Калиниченко П.А. и др.; под ред. Ануфриевой Л.П.. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2016.

[14] Провал Соглашения по упрощению процедур торговли: значение для будущего ВТО // Информационно-аналитический бюллетень «Мосты». 2014. Сент. Вып. 6. Цитируется по Право ВТО: теория и практика применения: Монография / Ануфриева Л.П., Жданов В.А., Калиниченко П.А. и др.; под ред. Ануфриевой Л.П.. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2016.., а также см. Исполинов А.С. К 20-летию ВТО: критический взгляд на практику Органа по разрешению споров. С. 12.

Библиография:

- Корвалья М.А. Присоединение стран ВЕКЦА к Соглашению ВТО по правительственным закупкам: обязательства и ожидания // Информационно-аналитический бюллетень «Мосты». 2014.
- Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации. Собрание законодательства РФ. 10 сентября 2012 г. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2514-2523;
- Право ВТО: теория и практика применения: монография / Л.П. Ануфриева, В.А. Жданов, П.А. Калиниченко и др.; под ред. Л.П. Ануфриевой. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2016.
- Провал Соглашения по упрощению процедур торговли: значение для будущего ВТО // Информационно-аналитический бюллетень «Мосты». 2014. Сент. Вып. 6.
- Федеральный закон от 02.03.2016 № 38-ФЗ «О принятии Протокола о внесении изменений в Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации».
- Халипов С.В. Правовые и практические аспекты реализации Российской Федерацией Соглашения ВТО об упрощении процедур торговли в условиях Евразийского экономического союза // Таможенное дело. 2016. № 4. С. 21-24.
- Nakatomi M. Plurilateral Agreements: A Viable Alternative to the World Trade? ADBI Working Paper Series. 2013. P.2-22. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/156294/adbi-wp439.pdf
- Agreement on Trade in Civil Aircraft, Agreement on Government Procurement. URL:https://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/tif_e/agrm10_e.htm;
- GATT Analytical Index. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/gatt_ai_e/gatt_ai_e.htm;
- Nakatomi M. Plurilateral Agreements: A Viable Alternative to the World Trade? ADBI Working Paper Series. 2013. P.2-3. URL:https://www.adb.org/sites/default/files/publication/156294/adbi-wp439.pdf;
- International Diary Agreement, International Bovine Meat Agreement. URL:https://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/tif_e/agrm10_e.htm;
- WTO Glossary. URL:http://www.wto.org/english/thewto_e/glossary_e/glossary_e.htm;
- Nakatomi M. Plurilateral Agreements: A viable alternative to the WTO? 2013. URL:https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/wts_future2013_e/nakatomi.pdf;
- WTO Trade Facilitation Agreement, TFA. URL: https://www.wto.org/english/news_e/news17_e/fac_31jan17_e.htm;

[15] Nakatomi M. Plurilateral Agreements: A Viable Alternative to the World Trade? ADBI Working Paper Series. 2013. P.2-22. URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/156294/adbi-wp439.pdf (Дата обращения: 30.04.2017).

TAGS: Марракешские соглашения, ВТО, ГАТТ, «Право ВТО», плюрилатеральные соглашения,
Marrakesh Accords, WTO, GATT, "WTO Law", plurilateral agreements

Евгений Николаевич Никулин,
Аспирант кафедры Международного права Дипломатической академии МИД РФ

Annotation:

The article considers plurilateral agreements as an integral part of the system of international agreements of the World Trade Organization. ■

Nikulin Evgeny Nikolaevitch
Post-graduate student for the International Law Department of the RF Foreign Affairs Ministry Diplomatic Academy

Аннотация:

В статье рассматриваются плюрилатеральные соглашения как составная часть системы международных соглашений Всемирной торговой организации. ■

Источники иллюстраций:
wikimedia.org
huffingtonpost.com
sbp.de

Применение стабилизационной оговорки по российскому праву

The application of the stabilization clause under Russian law

Понятие стабилизационная оговорка впервые было введено в Российской Федерации Указом Президента Российской Федерации «О совершенствовании работы с иностранными инвестициями» от 27 сентября 1993 года

Иностранные инвестиции в Российской Федерации — это одна из основ развития рыночных отношений, через которые в российскую экономику приходят капитал, технологии, менеджмент и производство.

Для привлечения иностранных капиталовложений необходим благоприятный инвестиционный климат, а именно правовой механизм государственных гарантий иностранных инвестиций[1]. Под «гарантиями» в юридической науке понимаются гарантии в сфере инвестиционной деятельности — это установленные на основании норм инвестиционного законодательства и международных соглашений обязательства государства в сфере правового обеспечения инвестиционной деятельности, принятые с целью обеспечения сохранности собственности и фактической реализации прав инвесторов на своей территории[2].

Понятие стабилизационная оговорка (или «Дедушкина» оговорка) впервые было введено в Российской Федерации Указом Президента Российской Федерации «О совершенствовании работы с иностранными инвестициями» от 27 сентября 1993 года № 1466. Согласно данному Указу вновь издаваемые нормативные акты, регулирующие условия функционирования на территории Российской Федерации иностранных и совместных предприятий, не действуют в течение 3 лет в отношении предприятий, существующих на момент вступления в силу этих актов. Данное положение не распространяется на нормативные акты, обеспечивающие более льготные условия функционирования на территории Российской Федерации иностран-

[1] Данельян А.А. Международно-правовые гарантии возмещения убытков в ходе осуществления иностранной инвестиционной деятельности // Аграрное и земельное право. – 2014. – №3 (111). – С. 85-90.

[2] Данельян А.А., Фархутдинов И.З. Международный инвестиционный арбитраж: Учебное пособие. – М.; СПб., Центр гуманитарных инициатив, 2013. – С. 356

ных и совместных предприятий[3]. Норма п. 1 данного Указа устанавливает стабилизационную оговорку и распространяется на нормативные акты, которые регулируют условия функционирования иностранных и совместных предприятий на территории Российской Федерации[4].

В ст. 9 Федерального закона от 09.07.1999 N 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» вводятся правила применения «дедушкиной» оговорки, что значительно отразилось на развитии инвестиционного законодательства в Российской Федерации.

Данная статья излагает следующее. Стабилизационная оговорка применяется в случаях возникновения новых Федеральных законов или других нормативно правовых актов Российской Федерации, которые изменяют налоговые ставки (кроме НДС на товары из РФ и акцизы) и размер взносов в государственные внебюджетные фонды (кроме Пенсионного фонда России).

Также стабилизационная оговорка применяется в случаях внесения изменений или дополнений в действующие Федеральные законы или другие нормативно-правовые акты Российской Федерации, которые приводят к увеличению налоговой нагрузки на деятельность иностранного инвестора и коммерческой организации с иностранными инвестициями по реализации приоритетных инвестиционных проектов либо устанавливают режим запретов и ограничений в отношении иностранных инвестиций в Российской Федерации по сравнению с совокупной налоговой нагрузкой и режимом, действовавшими в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации на день начала финансирования приоритетного инвестиционного проекта за счет иностранных инвестиций[5].

Вышеупомянутые в ст. 9 дополнения и изменения не применяются в течение сроков, указанных в пункте 2 ст. 9, в отношении иностранного инвестора и коммерческой организации с иностранными инвестициями, которые осуществляют приоритетные инвестиционные проекты за счёт иностранных инвестиций, если ввозимые иностранным инвестором и коммерческой организацией с иностранными инвестициями в Российскую Федерацию товары используются целевым назначением для реализации приоритетных инвестиционных проектов[6].

Целесообразно было бы разъяснить, что понимается под Приоритетным инвестиционным проектом. Приоритетный инвестиционный проект — инвестиционный проект, суммарный объём иностранных инвестиций в который составляет не менее 1 млрд рублей (не менее эквивалентной суммы в иностранной валюте по курсу Центрального банка Российской Федерации на день вступления в силу настоящего Федерального закона), или инвестиционный проект, в котором минимальная доля (вклад) иностранных инвесторов в уставном (складочном) капитале коммерческой организации с иностранными инвестициями составляет не менее 100 млн рублей (не менее эквивалентной суммы в иностранной валюте по курсу Центрального банка Российской Федерации на день вступления в силу настоящего Федерального закона), включенные в перечень, утверждаемый Правительством Российской Федерации[7].

Стабилизационная оговорка действует в течение срока окупаемости инвестиционного проекта, но не более семи лет со дня начала финансирования указанного проекта за счет иностранных инвестиций. Дифференциация сроков окупаемости инвестиционных проектов в зависимости от их видов определяется в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

Но есть и исключение. Если иностранным инвестором и коммерческой организацией с иностранными инвестициями реализуется приоритетный инвестиционных проект в сфере производства или создания транспортной либо иной инфраструктуры с суммарным объемом иностранных инвестиций не менее 1 млрд рублей (либо в не менее эквивалентной иностранной валюте по курсу Центрального Банка Российской Федерации), срок окупаемости которого превышает 7 лет, Правительство РФ принимает решение о продлении стабилизационной оговорки для указанного иностранного инвестора и коммерческой организации с иностранными инвестициями.

Стабилизационная оговорка не распространяются на дополнения и изменения, вносимые в законодательные акты Российской Федерации, или принимаемые новые федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства[8].

Если иностранный инвестор или коммерческая организация с иностранными инвестициями не исполнят обязательства, указанные в пункте первом статьи 9 Федерального закона от 09.07.1999 N 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации», в этом случае они лишаются льгот. Сумма денежных средств, не уплаченных в результате предоставления указанных льгот, подлежит возврату в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Но у стабилизационной оговорки есть и недостатки.

Во-первых, действие оговорки распространяется только на приоритетный инвестиционный проект.

Во-вторых, она не распространяется на НПА субъектов РФ и органов местного самоуправления.

В-третьих, действие оговорки не распространяется на подрядчиков, заказчиков и других лиц, которые участвуют в инвестиционном проекте и с которыми инвестор заключил договорные отношения.

В-четвертых, гарантии, указанные в Федеральном законе № 160-ФЗ от 09.07.1999 не распространяются на изменения или какие-либо дополнения в законодательстве Российской Федерации или на новые нормативно правовые акты или федеральные законы, которые являются неблагоприятными для инвестора, который осуществляет инвестиционный проект в Российской Федерации.

[3] См.: Данельян А.А., Эседов Д.Г. Иностранный инвестор и государство в евразийском пространстве // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 3 (46). – С. 13-16.

[4] Данельян А.А. Иностранные инвестиции: некоторые аспекты взаимодействия международного и национального права // Евразийский юридический журнал. – 2011. – № 8 (39). – С. 57-60.

[5] Данельян А.А., Фархутдинов И.З., Магомедов М.Ш. Национально-правовое регулирование иностранных инвестиций в России // Закон. – 2013. – № 1. – С. 103-119.

[6] Данельян А.А. «Зонтичные оговорки» в двусторонних инвестиционных договорах // Аграрное и земельное право. – 2015. – № 10 (130). – С. 103-108.

[7] Статья 2 Федерального закона от 09.07.1999 № 160-ФЗ (ред. от 18.07.2017) «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»

[8] Данельян А.А. Международное экономическое право в условиях глобализации: проблемы развития // Право и государство: теория и практика. – 2014. – №1 (109). – С. 127-132.

Вид на Конгресс США

В-пятых, оговорка применяется к российским компаниям, имеющим долю иностранного участия в размере минимум 25%.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод о том, что стабилизационная (или дедушкина) оговорка применяется:

- при неблагоприятном изменении законодательства Российской Федерации;
- в течение срока окупаемости инвестиционного проекта, но не более 7 лет;
- если товары используются по целевому назначению для реализации приоритетного инвестиционного проекта, которые ввозятся инвестором на таможенную территорию РФ;
- в случае реализации приоритетного инвестиционного проекта.

Также следует отметить, что актуальная редакция статьи 9 Федерального закона от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» нуждается в доработке и модернизации, учитывая все проблемы, возникающие у инвесторов и лиц, связанных с инвестиционными проектами. Внесение корректировок в стабилизационную оговорку, на наш взгляд, положительно отразится на инвестиционном климате Российской Федерации, что будет способствовать привлечению большего числа иностранных инвесторов в Российскую Федерацию. ■

Библиография:

- Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ (ред. от 18.07.2017) «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации».
- Данельян А.А., Фархутдинов И.З. Международный инвестиционный арбитраж: Учебное пособие. – М.; СПб., Центр гуманитарных инициатив, 2013. – С. 356.
- Данельян А.А. Международно-правовые гарантии возмещения убытков в ходе осуществления иностранной инвестиционной деятельности // Аграрное и земельное право. – 2014. – № 3 (111). – С. 85-90.
- Данельян А.А. Международное экономическое право в условиях глобализации: проблемы развития // Право и государство: теория и практика. – 2014. – № 1 (109). – С. 127-132.
- Данельян А.А., Эседов Д.Г. Иностранный инвестор и государство в евразийском пространстве // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 3 (46). – С. 13-16.
- Данельян А.А., Фархутдинов И.З., Магомедов М.Ш. Национально-правовое регулирование иностранных инвестиций в России // Закон. – 2013. – № 1. – С. 103-119.
- Данельян А.А. Иностранные инвестиции: некоторые аспекты взаимодействия международного и национального права // Евразийский юридический журнал. – 2011. – № 8 (39). – С. 57-60.
- Данельян А.А. «Зонтичные оговорки» в двусторонних инвестиционных договорах // Аграрное и земельное право. – 2015. – № 10 (130). – С. 103-108.
- Ершов Ю. О современном российском законодательстве в области иностранных инвестиций.
- Нилов Константин Николаевич Правовые гарантии осуществления иностранных инвестиций по законодательству Российской Федерации // Балт. рег.. 2011. №3. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-garantii-osuschestvleniya-inostrannyh-investitsiy-po-zakonodatelstvu-rossiyskoy-federatsii.
- Иностранные инвестиции: учебное пособие для студентов // М-во образования Российской Федерации, Ин-т современной экономики. – Москва : Книгодел, 2010

TAGS: инвестиции, иностранный инвестор, правовые гарантии, стабилизационная оговорка, «Дедушкина» оговорка, совместные предприятия,
Foreign investor, legal guarantees, stabilization clause, «Grandfather's reservation», joint ventures

Юрий Михайлович Рыбаков,
д.ю.н., профессор кафедры дипломатии и консульской службы Дипломатической академии МИД России;

Мария Уварова,
слушатель 2 курса магистратуры Дипломатической академии МИД России.

Annotation:

In the article the authors consider the problems of applying the stabilization clause in practice ("Dedushkina" reservation), first introduced into Russian legislation by the Decree of the President of the Russian Federation "On improving the work with foreign investments" of September 27, 1993. № 1466. ■

Rybakov Yury Mikhailovich,
Doctor of Law, Professor of the Department of Diplomacy and Consular Service of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia;

Uvarova Maria,
listener of the 2nd year of the Master's Degree in the Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

Аннотация:

В статье авторами рассматриваются проблемы применения на практике стабилизационной оговорки («Дедушкина» оговорка), впервые введенной в российское законодательство Указом Президента Российской Федерации «О совершенствовании работы с иностранными инвестициями» от 27 сентября 1993 года № 1466. ■

Источник иллюстраций:
mesto.ru
life.ru
horizon.uz

Русь изначальная и её первозданный источник

К 925-летию Архангельского Евангелия

Russia is the original and its first-published source. To the 925th anniversary of the Archangel Gospel

Архангельское Евангелие-апракос 1092 года — документ исторического времени, в которое Русь изначальная закладывала не только вектор, но и фундамент перспективного развития, когда территориальное объединение начиналось с объединения духовно-нравственного

Освоение нашими предками, начиная с древних времен, обширных территорий, которым они изначально дали светлое имя Русь, а с расширением пространства — возвышенно неземное название Россия, требовало соответствующих масштабов смелости, трудолюбия, жертвенности, многих талантов и безграничной веры.

Летописи и хроники сообщают сведения о стремительном росте строительства городов среди непроходимых лесов, на необитаемых северо-восточных землях, упоминая о 25 городах в IX-X веках, 64 — В XI веке, 155 — в XIII веке, 300 — к 1240-м годам.

В ареоле расселения восточных славян ядром культуры, процесса политогенеза в IX–XI веках стали города: Киев (основание — 482 год, столица Древнерусского государства с 882 года), Смоленск (862), Новгород (859), Псков (903), Полоцк (862), Переславль (907), Чернигов (907), Ярославль (1010), Рязань (1095), Муром (862), Туров (980), Ростов (862), Суздаль (999), Витебск (947), Владимир-Волынский (988) и более 1000 крупных, укрепленных поселений, названия которых не сохранились в письменных источниках, оставивших глубокие многовековые строительные горизонты в культурных слоях своих политых потом и кровью земель.

Характерной чертой застройки древнерусских населенных пунктов X–XII веков являлось обязательное сооружение церквей. Анализируя процесс умножения числа церквей в период становления христианства на Руси, известный историк Русской православной церкви академик Е. Е. Голубинский отмечал: «Приступая к крещению народа, Владимир одновременно с ним, по свидетельству летописей (под 988 г.), приказал ставить и церкви… В 25-летие после приступа к крещению народа в правление Владимира церквей по городам и селам было построено столько, что ими удовлетворялась насущная нужда, т. е. что были поставлены церкви, по крайней мере, во всех местностях»[1].

Художник А. М. Васнецов. Двор удельного князя. Древняя Русь

Анализируя тексты славяно-русских летописей и западноевропейских хроник, Е. Е. Голубинский опубликовал ориентировочные сведения о количестве церквей, действовавших в XI веке в древнерусских городах, отметив, что в Киеве их были сотни и что только в пожар 1017 года сгорело до 700, несколько меньшим количеством церквей, исчислявшимся десятками, располагали Новгород, Владимир, Ростов[2]. «В период домонгольский обыкновенные приходские церкви как в городах, так и в селах, были исключительно деревянными, — отмечал Е. Е. Голубинский. — Но построить деревянную церковь, не особенно большую и не особенно роскошную, при тогдашнем обилии леса, могли затрудняться разве только самые бедные и малые числом душ общины; а приискать священников вовсе не составляло затруднений ни для каких, даже и для самых малых и бедных общин. Другое дело было — достаточно и удовлетворительно

[1] Голубинский Е.Е. История русской церкви. – Т. 1. Вторая половина тома.- М., 1881. – С. 2

[2] Там же. С. 5.

Русские княжества XI века

Характерная застройка древнерусских городов. Историческая живописная реконструкция художника А. М. Васнецова

Собор Святой Софии в Киеве. Фото XXI века

Архитектурный комплекс XVIII века «Дом Пашкова», в котором с 1877 года хранится Архангельское Евангелие-апракос 1092 года. Москва. Фото 2017 года (первая публикация)

Город Архангельск. Троицкий кафедральный собор, подворья Соловецкого и Николо-Корельского монастырей. Вид с Северной Двины. Фото последней четверти XIX века

Древний Никитский мужской монастырь. Переславль-Залесский. (Дата основания, предположительно, 1010 год)

снабжать церкви принадлежностями. Но необходимо думать, что в сем последовательном отношении ограничивались требованиями самыми скромными»[3].

В Новгородской, Ростово-Суздальской, Смоленской, Рязанской, Турово-Пинской, Полоцкой, Волынской, Галицкой землях, особенно богатых лесами, в условиях изобилия легко доступного строительного материала, наличия большого количества искусных мастеров-плотников, столяров, деревянные храмы в X-XI веках строились быстро и в большом количестве.

Исследуя архитектуру деревянных церквей Древней Руси, Е. Е. Голубинский отмечал наличие в Северо-восточных землях великолепных сооружений, превосходивших современное им каменное зодчество[4].

В XI веке сложилась традиция, сохранившаяся до наших дней, сооружения и одновременного служения деревянных и каменных храмов, как дела не только богоугодного, но и боговдохновенного.

Стремясь исполнять воспринятые христианские идеалы, воодушевленные благодатностью целей, верующие, строители воздвигали величественные каменные соборы Святой Софии в Киеве (1037 г.), Новгороде (1045–1050 гг.), Полоцке (1036–1060 гг.), Спасо-Преображенский в Чернигове (1030 г.), создали в XI–XIII веках более 300 монастырей. В ходе многочисленных нашествий, набегов печенегов, хазар, половцев, княжеских междуусобных войн храмы неоднократно разрушались, уничтожались и возрождались заново. Историческим примером бытования деревянного и каменного церковного зодчества, символом стойкости и торжества православия на Руси служит сохранившееся предание о возрождении в Великом Новгороде собора Святой Софии, в закладке которого на месте сгоревшего красивейшего тринадцатиглавого храма, построенного из дуба в 989 году, принял участие в 1045 году Ярослав Мудрый.

Активное строительство храмов и монастырей, увеличение числа верующих среди восточных славян сопровождалось ростом востребованности богослужебных книг. Об этом свидетельствует древняя «Повесть временных лет», содержащая убедительные факты, поучительные записи о значимости книг для православного человека. «Велика ведь бывает польза от учения книжного, — счел важным отметить в 1037 году древнерусский летописец, — се бо суть реки, наполняющи Вселенную, се бо суть источники мудрости; в книгах есть неисчетная глубина; ибо в печали утешаемся, они суть узда воздержания… Аще бо поищеши в книгах мудрости прилежно, то обрящеши великую ползу души своей; иже бо книгы часто чтеть, то беседует с Богом, или святыми мужи; почитая пророческия беседы, и еуаньгельская ученья и апостолския, жития святых отец, восприемлет душа велику пользу»[5].

Поддерживая образ правления, просветительскую деятельность Ярослава Мудрого, летописец сообщал: «И собрал писцов многих, и переводили они с греческого на славянское письмо. И написали они книг множество, которыми поучаются верующие люди и наслаждаются учением божественным»[6].

Репертуар книжной культуры Древней Руси не был произвольным, определялся практическими потребностями соборно-приходского богослужения, церковно-монастырского быта и строго регламентировался уставами двух типов. «Набор и структура этих книг определялась соборно-приходским Уставом константинопольских храмов — так называемым Типиконом Великой Церкви, — отмечает Л. В. Левшун. — Другой Устав регламентировал монастырское богослужение и был известен на Руси практически со времени её крещения. В середине XI века Феодосий Печерский, как известно, официально ввел в своем монастыре Устав, воспроизводящий литургическую практику Студийского киновиального монастыря, … принесён из Константинополя в 1062 году[7]». Оба древних Устава содержали и продолжают включать на протяжении столетий последовательно составленный книжный комплекс, закономерно начинавшийся с Евангелия. Следовательно, начиная с 988 года, всем православным храмам необходимо было иметь Евангелие для богослужения, как и верующим, в зависимости от их материальных возможностей.

Драгоценные книги создавались в великокняжеских скрипториях на средства знатных и состоятельных особ. « Украшали книгу, ничего не жалея, — отмечал Л. Д. Любимов. — Вся орнаментика книги выполнялась художником-летописцем, а изготовление переплетов-окладов, окованных серебром и кружевной филигранью, сверкающими драгоценными камнями и золотыми пластинами с изображениями из финифти (так называлась эмаль), поручалось златокузнецу и эмальеру»[8].

К числу таких шедевров книжной культуры относится «Остромирово Евангелие», написанное за 7 месяцев в 1056-1057 годах дьяконом Григорием по заказу посадника Остромира, сподвижника великого князя Изяслава.

Книжное знание, авторитет священной книги почитались в различных слоях населения как непременное условие благочестия и самого звания христианина. Весомым аргументом того, что простым людям русских земель XI века были доступны книги, является сохранившееся до наших дней Архангельское Евангелие — апракос 1092 года.

В отличие от Остромирова Евангелия, Изборника Святослава, Чудовской Псалтири — высокохудожественных рукописных книг XI века, созданных для состоятельных, власть имущих сословий, Архангельское Евангелие 1092 года предназначалось для обихода остальных, менее состоятельных грамотных людей. «В Архангельском Евангелии все параметры книги – технологические, художественные, текстологические, графико-орфографические — характеризуют этот памятник как репрезентативный образец «обиходного» книгописания Древней Руси, — отмечает Т. Л. Миронова, — как продукцию книгописной мастерской по массовому изготовлению книг богослужебного обихода»[9]. Анализируя процессы формирования собственно древнерусской графико-орфографической системы, Т. Л. Миронова определила следующие признаки, наиболее ярко выраженные в Архангельском Евангелии 1092 года: «1) упрощенные технологии изготовления кодексов, а также экономичный расход пергамена; 2) скромность художественного оформления рукописи, осуществляемого часто самим писцом; 3) сформированный тип древнерусского уставного письма – быстрого, легко читаемого, без опоры на палеографические модели образцов; 4) графико-орфографические системы таких книг весьма в небольшой степени зависят от старославянского протографа»[10].

[3] Там же. С. 4

[4] Там же С. 106-128.

[5] Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. Древний текст летописи Нестора.- СПб, 1846.- С. 65-66.

[6] Там же. С. 65.

[7] Левшун Л.В. История восточнославянского книжного слова XI – XVII вв. – Минск, 2001. – С. 79.

[8] Любимов Л.Д. Искусство Древней Руси. – М., 1981. – С. 121.

[9] Миронова Т.Л. Хронология старославянских и древнерусских рукописных книг X – XI вв. – М, 2001 – С. 313.

[10] Там же.

Всеволод Ярославич (1030–1093) — князь Переяславский (1054–1073), Черниговский (1073–1078), великий князь Киевский (1076–1093), первый из правителей древнерусского государства, именовавшийся «князь Всея Руси». Портрет XVII века

Книжная живопись XI века. Заставка (середина заставки — рисунок чернилами по киноварному фону), заголовок, инициал написаны киноварью. Архангельское Евангелие 1092 года, Л. 123

Митрополит Киевский Илларион (990–1067) — первый русский митрополит, поставлен собором архиереев в 1051 году. Иконографическое изображение 2017 года

Архангельское Евангелие-апракос 1092 года. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ф. 178. Фото 2017 года

Текстовое содержание кодекса представляет евангельские чтения, следующие в порядке возглашения их в церкви в течение года. «Перед чтениями помещены заголовки и служебные указания. Они написаны киноварью и значительно более крупными буквами, чем собственно текст чтения, — характеризовал текстологические особенности И. В. Левочкин. — Перед указаниями чтений проставлены киноварные значки в виде скобочек, основной текст написан светло-коричневыми чернилами, которые местами плохо сохранились»[11].

Рукописная книга сохранила имя, эмоциональную запись одного из её создателей, покаявшегося перед всем миром и на многие лета за совершенные вольно или невольно ошибки. «Отягчённый бесчисленными грехами, братия мои, я, спасения ради, волнуюсь по жизни, как корабль в пучине моря, поддаваясь неправедным помыслам, — обращался смиренно во все грядущие столетия древний мастер. — Ох, братья и отцы мои! Если в тех неправедных помыслах блуждая, был соблазнен ими, когда писал, то, братия, не кляните, но поправьте и благословите и простите убогую мою душу и меня грешного Мичку»[12].

Исследователи отмечают особый палеографический тип письма. «Почерки двух основных писцов Архангельского Евангелия выказывают высокий профессионализм и самостоятельность в работе, — отмечает Т. Л. Миронова. — Вариативность буквенных начертаний, на первый взгляд, могла быть обусловлена большой скоростью работы мастеров»[13]. Изобретательность стремившихся сократить сроки работы книгописцев, строивших (как называли они свой труд в древние времена) Архангельское Евангелие, открывается для современных исследователей всё новыми гранями. «Писцы в книгописных мастерских по созданию обиходных книг могли, — как утверждает Т. Л. Миронова, — работать артельно под диктовку чтеца»[14].

Переплет Архангельского Евангелия 1092 года является, по мнению специалистов, древнейшим датированным переплетом и представляет собой «… обработанные липовые доски, соединенные с листами сложной древней плетенкой из тонких льняных нитей. Доски, видимо, были обтянуты льняной тканью, имели простые металлические средник и наугольники, а также четыре застежки»[15].

Архангельское Евангелие 1092 года создавалось в период великого княжения Всеволода Ярославича (1076–1093 гг.): внука Владимира Святославича – крестителя Руси, сына Ярослава Мудрого – основателя первого скриптория (1037) на Руси, отца Владимира Мономаха. В летописях Всеволод Ярославич отмечался, как один из самых образованных людей своего времени. Стремясь продолжить традиции своих великих предков, выдающихся государственных деятелей Древней Руси, Всеволод Ярославич укреплял политическое и духовное единство русских земель.

Анализируя развитие древнерусской книги данного периода (X–XII вв.), отечественные исследователи отмечали, что он характеризуется «… абсолютным преобладанием пергаменных кодексов и сосредоточением книгописания в соборах, ктиторских монастырях и церквах. Этот период вплоть до конца XIV века (а именно до утверждения на Руси общежительного монастырского устава) связан с развитием книжного дела в городских монастырях и церквах. Здесь возникли как крупные центры письма (скриптории), так и довольно мелкие, где не было скрипториев, а работали лишь один-два писца»[16]. Книжный фонд Древней Руси пополнялся не только заказами на изготовление манускриптов знатью и духовенством, но и существовавшей практикой «… переписывания книг для внутреннего пользования грамотной частью монастырского и церковного клира»[17]. Создание книг в XI столетии требовало высокого индивидуального мастерства, огромных трудозатрат, значительных материальных средств. Лишь на изготовление одного листа пергамента использовалась, как правило, шкура одного животного. Специалисты подсчитали, что на выделку пергамента для Остромирова Евангелия 1056-1057 годов ушло не менее 147 шкур, Изборника Святослава 1073 года — 133, Архангельского Евангелия 1092 года — более 130 шкур[18].

Несмотря на многотрудность изготовления рукописных книг, они создавались во всех землях Древней Руси и в значительных объемах[19]. Рассматривая культурно-исторические процессы, происходившие на Руси в XI столетии, В. В. Кожинов установил, что у рукописной книги «Слово о законе и благодати», написанной митрополитом Иллларионом в 1049 году, «реальный тираж» превышал 5 тысяч [20].

Шедевры русской книжной культуры — Архангельское Евангелие-апракос 1092 года и гениальное богословско-полемическое произведение митрополита Иллларионa «Слово о законе и благодати» — уникальные и актуальные документы эпохи, когда Русь чрезвычайно нуждалась и искала пути к политическому единству. Они являются исторической реальностью, документами исторического времени, в которое Русь изначальная закладывала не только вектор, но и фундамент перспективного развития, когда территориальное объединение начиналось с объединения духовно-нравственного. Древнюю поговорку: «Не в силе Бог, а в правде», символизирующую перспективу социально-политических приоритетов нужно воспринимать, опираясь на опыт предков, как историческую закономерность. «У нас бытует неправильное, вульгарное представление об экономических законах. Эти законы, конечно, — в основе всего, но когда приводят к духовному процветанию, — отмечал академик Д. С. Лихачев, размышляя над проблемой силы духовной, — в какой-то момент духовное начало начинает играть главную роль»[21].

Рукописные книги, создававшиеся нашими предками для практических нужд, со временем становятся неотделимой частью культуры, истории народа, его научного, духовно-нравственного потенциала. Историческая судьба книги тесно переплетается с судьбой её владельцев.

Архангельское Евангелие поступило на государственное хранение в Отделение рукописей Румянцевского музея в первые годы московского периода его истории[22]. В 1877 году

[11] Левочкин И.В. Архангельское Евангелие 1092 года среди древнерусских книг XI в. // Архангельское Евангелие 1092 года. – М. 1997. – С. 13.

[12] Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее ОР РГБ). Ф. 178, № 1666, лл. 174 об.-175.

[13] Миронова Т.Л. Указ. соч. С. 316.

[14] Миронова Т.Л. Указ. соч. С. 371.

[15] Миронова Т.Л. Указ. соч. С. 314.

[16] Столярова Л.В., Каштанов С.М. Книга в Древней Руси (XI – XVI вв.). – М, 2010. – С. 40.

[17] Там же. – С. 46.

[18] Там же. – С. 59.

[19] Сведения о количестве книг в Древней Руси содержат исследования: Жуковская Л.П. Сколько книг было в Древней Руси?// Русская речь. 1971, № 1. – С. 73-80; Левочкин И.В. Основы русской полиграфии. – М, 2003. – С. 46; Левшун Л.В. Указ. соч. – С. 23-25.

[20] Кожинов В.В. Творчество Иллларионa и историческая реальность его эпохи // Альманах библиофила. Вып. 26. – М, 1989. – С. 27.

[21] Лихачев Д.С. Тысячелетие культуры // Альманах библиофила. Вып. 26. – М, 1989. – С. 11.

[22] О петербургском и московском периодах деятельности Румянцевского музея см.: Молчанов В.Ф. Книжная культура России XIX в. Эпоха, судьба, наследие Н.П. Румянцева. – М, 2006. – С. 261-378.

Румянцевский музей приобрел у московского купца, собирателя раритетов и книготорговца С. Т. Большакова Евангелие-апракос 1092 года — сокровище древнерусской культуры и духовного просвещения, которому в 2017 году исполняется 925 лет.

Передавая древнюю рукопись на государственное хранение, С. Т. Большаков сообщил весьма краткие сведения по истории её бытования, сославшись на покупку пергаменной книги у архангельского крестьянина[23]. Новое уникальное поступление в Румянцевский музей стало ярким событием, привлекшим особое внимание ученых-палеографов, крупнейших специалистов в области древнерусской книжности: Е. В. Барсова, А. Е. Викторова, А. Л. Дювернуа, И. И. Срезневского, архимандрита Амфилохия, А. Ф. Бычкова. Острые споры возникли при прочтении датирующей записи: «Закончил я, измученный, в лето 6600, пресвитер грешный»[24]. Неудовлетворительное состояние сохранности текста ряда листов (почти стертые, размытые буквы и слова) воспроизводились исследователями в различных вариантах. В процессе изучения, оценки и описания кодекса архимандритом Амфилохием была установлена точная дата создания рукописной книги — 1092 год (вместо первоначальной ошибочной — 1192 год) и закрепилось устойчивое научное наименование – «Архангельское Евангелие 1092 года».

Следует отметить, что из 12 сохранившихся книг Древней Руси XI столетия лишь 7 имеют точную дату создания и среди них самым ранним кодексом древнерусского извода специалисты считают Архангельское Евангелие 1092 года. Начиная с 1877 года вот уже 140 лет оно хранится в Отделе рукописей Румянцевского музея, а ныне — Российской государственной библиотеки в составе Музейного собрания рукописей (ф. 178). В кодексе 178 пергаменных листов, формат которых варьируется в пределах 200 х 160 — 205 х 168 мм.

Евангелие-апракос первым переведено на славянский язык равноапостольными просветителями Кириллом и Мефодием в 866-867 годах и вошло в Устав соборно-приходского богослужения.

История открытий выдающихся достоинств, исследования Архангельского Евангелия 1092 года учеными и специалистами, начавшаяся в 1877 году, продолжается в XXI веке. К числу важнейших событий столь динамичного и многогранного процесса следует отнести факсимильное воспроизведение в 1912 году Архангельского Евангелия 1092 года Румянцевским музеем[25], научное издание кодекса Российской государственной библиотекой[26], внесение в 1997 году ЮНЕСКО архангельского Евангелия 1092 года в международный реестр «Память мира».

В первой четверти XXI столетия новые поколения исследователей приходят в Румянцевский зал Отдела рукописей РГБ, названный так в 2016 году в память об основателе одного из крупнейших сегодня в мире центров книжной культуры Российской государственной библиотеки, выдающемся просветителе и благотворителе Государственном канцлере России Н. П. Румянцеве (1754-1826), чтобы вновь и вновь увидеть и прикоснуться к первозданным источникам нашей древней культуры.

Уникальные манускрипты, которые поступали и поступают в Отдел рукописей Румянцевского музея, Российской государственной библиотеки в первую очередь, несомненно, Архангельское Евангелие 1092 года, ценнейшие частные коллекции, собрание рукописных книг, личные архивы создавали и создают в третьем тысячелетии бесценный национальный фонд раритетов отечественной и мировой истории. ■

[23] Подробнее об истории поступления Архангельского Евангелия см.: Записки отдела рукописей.- Вып. 25. – М, 1962. – С. 406-419.

[24] ОР РГБ. Там же. – Л. 177.

[25] Архангельское Евангелие 1092 года. Факсимильное издание Румянцевского музея. – М. 1912.

[26] Архангельское Евангелие 1092 года. Исследования. Древнерусский текст. Словоуказатели. – М. 1997.

Виктор Фёдорович Молчанов,
Заведующий Отделом рукописей
Российской государственной библиотеки

TAGS: древняя Русь, Архангельское Евангелие, Илларион, Слово о законе и благодати, летопись, Древнерусское государство, Повесть временных лет,
ancient Rus, Arkhangelsk Gospel, Hilarion, The Word of Law and Grace, Chronicle, Ancient Russian State, A Tale of Bygone Years

Annotation:

Despite the many difficulties in manufacturing manuscript books, they were createdin all lands of Ancient Russia in considerable volumes. By considering cultural and historical processes that took place in Russia in the XI century, V.V. Kozhinov found that the handwritten book «Word of law and grace», written by Metropolitan Illarion in 1049, «is a real circulation» exceeded 5 thousand. Masterpieces of Russian Book Culture — Arkhangelsk Gospel Apraks 1092 and the brilliant theological-polemical work of Metropolitan Hilarion «The Word of the Law and grace» are unique and relevant documents of the era, when Russia extremely needed and was looking for the ways to the political unity. ■

Viktor F. Moltchanov,
Head of the RSL
Manuscripts Department

Аннотация:

Несмотря на многотрудность изготовления рукописных книг, они создавались во всех землях Древней Руси и в значительных объемах. Рассматривая культурно-исторические процессы, происходившие на Руси в XI столетии, В.В. Кожинов установил, что у рукописной книги «Слово о законе и благодати», написанной митрополитом Илларионом в 1049 г. «реальный тираж» превышал 5 тысяч. Шедевры русской книжной культуры — Архангельское Евангелие-апракос 1092 г. и гениальное богословско-полемическое произведение митрополита Иллариона «Слово о законе и благодати» — уникальные и актуальные документы эпохи, когда Русь чрезвычайно нуждалась и искала пути к политическому единству. ■

Источник иллюстраций:
Фонд рукописей ФГУ Российская государственная библиотека

К вопросу об обратной отсылке и отсылке к праву третьего государства в законодательстве Российской Федерации

On the question of remission and transmission in private international law of Russian Federation

Впервые в России проблему обратной отсылки и отсылки к праву третьего государства затронули в начале XX века. В настоящее время в Российской Федерации нормы, регулирующие обратную отсылку и отсылку к праву третьего государства, закреплены в статье 1190 Гражданского кодекса Российской Федерации

Современное общество характеризуется возрастающей динамикой коммуникативности, когда физические и юридические лица из разных государств, а иногда и международные организации вступают друг с другом в частноправовые отношения, порождающие применение нескольких правопорядков. Дело в том, что правопорядки государств по-разному регулируют одни и те же общественные отношения, а между тем, возникают случаи, когда общественное отношение, в силу присутствия в нем некоего иностранного элемента, находится в сфере правового регулирования нескольких различных правопорядков[1]. При выборе компетентного для правоотношения правопорядка возникает необходимость обращения к коллизионной норме, которая, в свою очередь, будет указывать на право, подлежащее применению. Однако не всегда коллизионная норма отсылает к материальной норме. В процессе коллизионного регулирования возникают ситуации, когда коллизионная норма одной правовой системы делает отсылку к коллизионной норме другой правовой системы, а та, в свою очередь, отсылает к той правовой системе, в которой содержится первая коллизионная норма (происходит обратная отсылка), таким образом, круг замыкается и не представляется возможным определить материальное право какого государства подлежит применению. В теории данная проблема получила название «обратная отсылка» и «отсылка к праву третьего государства».

Стоит отметить, что обратная отсылка является одной из наиболее сложных проблем современного коллизионного права. На сегодняшний день юридическая наука объясняет возникновение такого явления как обратная отсылка наличием в каждом государстве комплекса коллизионных норм, регламентирующих частноправовые отношения, осложненные иностранным элементом. Кроме того, существуют государства, в которых коллизионные нормы, при решении вопроса о выборе применимого права к правоотношению, осложненному иностранным элементом, отсылают не к материальным нормам иностранного права, а к коллизионным нормам, а те, в свою очередь, могут отсылать к коллизионным нормам первого государства.

Впервые в России проблему обратной отсылки и отсылки к праву третьего государства затронули в начале XX века. В первых работах, посвященных коллизионному праву, ситуация обратной отсылки и отсылки к праву третьего государства рассматривались как фактор, мешающий осуществлению правового регулирования правовых отношений, осложненных иностранным элементом. Такой видный ученый–правовед, как А. Н. Мандельштам, комментировал важность данной проблемы такими словами: «Очевидно, что разрешение вопроса о значении отсылки имеет огромное значение

[1] Брун М.И. Монография Введение в международное частное право – Петроград: Типография В.Ф. Киршбаума, 1915. – С. 5.

для кодификатора международного частного права. С первого взгляда ясно, что принятие этого принципа вносит в международную жизнь элемент непостоянства и случайности, способный поколебать самое прочное здание международного права»[2].

В свою очередь, М. И. Брун в учебнике по Международному частному праву 1911 года рассуждал о несостоятельности теории отсылок и том, что все варианты применения теории отсылок, существующие в разных государствах, были созданы лишь из «желания дать предпочтение своему закону перед иностранным»[3].

В советской доктрине о теории отсылок говорили такие учёные–международники как И. С. Перетерский, Л. А. Лунц, В. М. Корецкий, А. А. Рубанов, А. Б. Левитин, С. Б. Крылов, А. Н. Макаров и другие. Большинство из них указывали на необходимость допущения обратной отсылки и (или) отсылки к праву третьего государства в том или ином объёме. Так, авторы учебника «Международное частное право» 1940 года И. С. Перетерский и С. Б. Крылов сформулировали свою позицию следующим образом: если советская коллизионная норма отсылает к праву иностранному, то мы должны применить это право, применить точно и лояльно. Но там, где само иностранное право отказывается от регулирования, нет оснований расширять сферу его применения. Если наше право делает отсылку к иностранному закону, а последний содержит отсылку к нашему праву, то наше право и подлежит применению[4].

Говоря о правовом закреплении норм об обратной отсылке, следует упомянуть Женевскую Конвенцию о разрешении некоторых коллизий законов о переводных и простых векселях 1930 года, которая вступила в силу на территории СССР в 1936 году, где в статье 2 устанавливается, что применимым законом для определения способности лица обязываться по векселю является его национальный закон. Если национальный закон отсылает к закону другой страны, то применяется этот последний закон[5]. Таким образом, предписывается применение как обратной отсылки, так и отсылки к праву третьей страны. Поскольку нормы международного договора имеют преимущественное применение, то при выборе права, компетентного решить вопрос о способности лица обязываться по векселю, суд обязан применять как обратную отсылку, так и отсылку к праву государства.

На уровне закона проблема обратной отсылки и отсылки к праву третьего государства в России впервые получила регулирование в Положении о простом и переводном векселе, которое было утверждено Постановлением СНК и ЦИК СССР от 7 августа 1937 года и воспроизводило Единообразный закон о простом и переводном векселе — приложение к Женевской конвенции 1930 года. Там предусматривалось, что если иностранный закон отсылал к закону другого государства, то применялся этот последний закон[6].

Однако ни в гражданских кодексах РСФСР 1922[7] и 1964[8] годов, ни в Основах законодательства Союза ССР и республик 1961[9] и 1991[10] годов норм, регулирующих применение иностранного коллизионного права, не содержалось. Статья 4 проекта Закона «О международном частном праве», обсуждаемого в 1989–1990 годах, закрепляла нормы об обратной отсылке и отсылке к праву третьего государства, однако Закон принят не был[11].

Следует согласиться с мнением М. М, Богуславского о том, что в российском законодательстве сформирован в целом негативный подход к обратной отсылке и отсылке к праву третьего государства[12].

Так, Закон Российской Федерации о международном коммерческом арбитраже 1993 года[13] (основанный на Типовом законе ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 года[14]), в ст. 28 закрепляет негативное отношение к обратной отсылке, предписывая при рассмотрении споров в арбитраже толковать любое обозначение права или системы права какого–либо государства как непосредственно отсылающее к материальному праву этого государства, а не к его коллизионным нормам.

В настоящее время в Российской Федерации нормы, регулирующие обратную отсылку и отсылку к праву третьего государства, закреплены в статье 1190 Гражданского кодекса Российской Федерации[15] (далее — ГК РФ), где в п. 1 сказано, что «Любая отсылка к иностранному праву в соответствии с правилами настоящего раздела должна рассматриваться как отсылка к материальному, а не к коллизионному праву соответствующей страны, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 2 настоящей статьи». Соответственно, так как отсылка к иностранному праву должна расцениваться как отсылка к его материальным нормам, мы можем сделать вывод о том, что по общему правилу применение обратной отсылки российскими судами не допускается. Так же в пункте 1 ст. 1190 ГК РФ оговаривается, что из данной нормы есть исключения, которые содержаться в пункте 2 ст. 1190 ГК РФ: «Обратная отсылка иностранного права может приниматься в случаях отсылки к российскому праву, определяющему правовое положение

[2] Мандельштам А.Н. Гаагские конференции о кодификации международного частного права. - С.-Петербург, типография А. Бенке, 1900 г. // СПС Гарант.

[3] Брун М.И. Международное частное право. – Москва: Типо-литография Прохорова Л.М. и Яшкина Н.А., 1911. – С. 9.

[4] Международное частное право: Учебник / Ануфриева Л.П., Бекяшев К.А., Дмитриева Г.К. и др.; Отв. ред. Дмитриева Г.К. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – С. 146.

[5] Конвенция, имеющая целью разрешение некоторых коллизий законов о переводных и простых векселях (Заключена в Женеве 07.06.1930) (Вступила в силу для СССР 25.11.1936) // Собрание Законов. 1937. Отд. II. № 18. ст. 109.

[6] Международное частное право: Учебник. В 2 т. Т 1: Общая часть / Отв. ред. Лебедев С.Н., Кабатова Е.В. – М.: Статут, 2011. – С. 285.

[7] Гражданский кодекс РСФСР // принят 31 октября 1922 г. IV сессией ВЦИК 9-го созыва // Известия ВЦИК. 12.11.1922. № 256.

[8] Гражданский кодекс РСФСР // утв. ВС РСФСР 11.06.1964 // Свод законов РСФСР. 1964. Т. 2. С. 7.

[9] Закон СССР от 08.12.1961 «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1961. № 50. ст. 525.

[10] Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик // утв. ВС СССР 31.05.1991 № 2211-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 26.06.1991. № 26. ст. 733.

[11] Варавенко В.Е. Обратная отсылка и отсылка к праву третьего государства как проблема применения иностранного права: монография / под науч. ред. канд. юрид. наук Литвиновой С.Ф. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2010. – С. 134.

[12] Богуславский М.М. Международное частное право. 5–е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2005. 604 – С. 104.

[13] Закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-I «О международном коммерческом арбитраже» (ред. от 3 декабря 2008 г.) / введен в действие с момента опубликования. //Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 12.08.1993. № 32. ст. 1240.

[14] Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже / принят ЮНСИТРАЛ 21 июня 1985 г. / опубликован в официальном издании ООН, Вена, 2008 г. / [Электронный ресурс] Официальный сайт ЮНИСТРАЛ URL: http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/arbitration/ml-arb/07-87000_Ebook.pdf (дата обращения 04.04.16 г.).

[15] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья от 26 нояб. 2001 г. № 146-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 1 нояб. 2001 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 14 нояб. 2001 г.: вводится в действие с 1 марта 2002 г. Федеральным законом от 26 ноября 2001 г. № 147-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 3.12.2001. № 49. ст. 4552.

физического лица» [16]. Таким образом, исключение из общего правила заключается в том, что допускается применение отсылки, причем только обратной отсылки — к российскому праву, при рассмотрении конкретной группы правовых отношений — отношений по определению статуса физического лица (ст. 1195-1200 ГК РФ).

Такое законодательное решение соответствует одному из основополагающих принципов МЧП, а именно: предоставление национального режима иностранным гражданам, который установлен в национальных законодательствах большинства стран[17]. Предоставление национального правового режима заключается в распространении на иностранцев общих правил и норм, действующих в государстве в отношении собственных субъектов права. Юридическое содержание национального правового режима состоит в уравнивании отечественных физических и юридических лиц и таковых иностранных в том, что касается прав и обязанностей, за исключениями, определяемыми национальным законодательством[18]. Таким образом, принятие обратной отсылки для определения правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства, несомненно, способствует уравниванию их в правах по отношению к гражданам Российской Федерации.

Проанализировав ситуацию, сложившуюся в национальном законодательстве об обратной отсылке и отсылке к праву третьего государства, мы можем говорить о том, что в Российской Федерации действует следующая модель решения проблемы обратной отсылки и отсылки к праву третьего государства: обратная отсылка применяется только в ограниченных законом случаях. Отсылка к коллизионным нормам третьего государства нам не знакома, но если она имеет место быть в международном правовом акте, который ратифицирован в нашем государстве, то появляется обязанность правоприменительным, иным органам и лицам понимать и принимать во внимание обратную отсылку. (Например, в Конвенции о международном железнодорожном сообщении 1980 года (КОТИФ)[19], которая заменила Бернские конвенции о железнодорожных перевозках, содержится общая коллизионная норма, отсылающая к праву страны суда, включая его коллизионные нормы. Положения этого соглашения, связанные с ним инструкции и другие нормативные акты применяются при перевозках российских внешнеторговых грузов в страны-участницы КОТИФ и из этих стран в Россию.)

Указанное обстоятельство подчас затрудняет процесс разрешения того или иного спорного правоотношения, осложненного иностранным элементом уже на стадии определения права, подлежащего применению, в силу следующей неопределенности: согласно общему правилу, закрепленному в ст. 1190 ГК РФ[20] любая отсылка не применяется в соответствии с правилами раздела VII ГК РФ. Означает ли формулировка «…в соответствии с правилами настоящего раздела…», что нормы статьи об обратной отсылке применяются только для правоотношений, которые регулируются нормами данного раздела. При грамматическом толковании нормы п. 1 ст. 1190 ГК РФ словосочетание «…в соответствии…» указывает на то, что содержание ст. 1190 продиктовано правилами, которые содержатся в других статьях раздела XII ГК РФ. Однако при буквальном толковании данное словосочетание в контексте п. 1 ст. 1190 ГК РФ говорит о применении норм этой статьи только в отношении правоотношений, регулируемых разделом XVII части 3 ГК РФ, так как в целом данный раздел не содержит норм, запрещающих применение иностранных коллизионных норм.

При таком варианте толкования содержания норм статьи 1190 ГК РФ возникает проблема, связанная с нормами, закрепленными в других нормативных актах. Например, п. 1 статьи 420 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации содержит следующую коллизионную норму: «Отношения, возникающие из столкновения судов во внутренних морских водах и в территориальном море, регулируются законом государства, на территории которого произошло столкновение»[21]. Однако, если законодательство государства, на территории которого произошло столкновение судов, содержит коллизионную норму, отсылающую при регулировании таких правоотношений к иностранному праву, то возникает вопрос – должен ли учитывать такую норму российский суд.

С учетом того, что формулировка «…в соответствии с правилами настоящего раздела…», содержащаяся в п. 1 ст. 1190 ГК РФ, при грамматическом толковании не несет юридически значимой смысловой нагрузки, на наш взгляд её следует исключить

[16] Там же.

[17] Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право: Учебник. - М.: Изд-во Эксмо, 2005. – С. 133.

[18] Ануфриева Л.П. Международное частное право. Общая часть. Том 1 М.: изд-во БЕК, 2002. – С. 105.

[19] Конвенция о международных железнодорожных перевозках (КОТИФ) от 9 мая 1980 г. согласно тексту изменяющего Протокола от 3 июня 1999 г.// Россия присоединилась к данному документу с оговорками и заявлением (Федеральный закон от 17.07.2009 № 152-ФЗ) / вступила в силу для РФ 1 февраля 2010 года // Собрание законодательства РФ. 29.08. 2011. № 35. ст. 5060.

[20] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья от 26 нояб. 2001 г. № 146-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 1 нояб. 2001 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 14 нояб. 2001 г.: вводится в действие с 1 марта 2002 г. Федеральным законом от 26 ноября 2001 г. № 147-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 3.12.2001. № 49. ст. 4552.

[21] Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ (ред. от 13.07.2015) / Принят Государственной Думой Федерального Собрания Рос. Федерации 31 марта 1999 года. Одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Рос. Федерации 22 апреля 1999 года // Собрание законодательства РФ. 03.05.1999. № 18. ст. 2207.

из ст. 1190 ГК РФ для придания норме конкретности.

Конечно же, такие общие формулировки в законе связаны со сравнительно малым количеством судебной практики о принятии обратной отсылки в Российской Федерации. Причина отсутствия такой практики, на наш взгляд, заключается в том, что такие вопросы крайне редко ставятся в суде, при вынесении решения суды в большинстве случаев просто указывают статью 1190 ГК РФ, даже не указывая её содержание[22], либо основание применения определенного правопорядка и вовсе не освещается в решении судов.

Анализируя вышеизложенное можно отметить, что нормы, направленные на решение вопроса об обратной отсылке, закреплённые в ст. 1190 ГК РФ достаточно критичны с позиции их практической применимости и результативности, а также с позиции подхода к пониманию ситуации обратной отсылки. Считаем, что решение вопроса относительно обратной отсылки должно опираться на такие аспекты как:

1. объективные характеристики обратной отсылки как проблемной ситуации;

2. современное состояние правового регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, принципы и тенденции развития МЧП[23].

Изучая зарубежную практику решения проблемы обратной отсылки и отсылки к праву третьего государства можно сделать вывод, что в большинстве государств мира допускается применение обратной отсылки и отсылки к праву третьего государства – по общему правилу, и в качестве исключений в законодательствах закрепляются различные ограничения применения отсылок. Практика признания отсылок и их правового закрепления в законодательствах иностранных государств, свидетельствует о том, что государства допускают возможность применения иностранного права на своей территории, а это, в свою очередь, является основой существования и развития международного частного права.

Исходя из всего изложенного, считаем, что в Российской Федерации назрела необходимость законодательного регламентирования обратной отсылки и отсылки к праву третьего государства путем внесения изменений и дополнений в ст. 1190 ГК РФ. ■

[22] Решение Камызякского районного суда Астраханской области от 17 марта 2015 года. По делу № 2-221/2015 - М-171/2015. РосПравосудие [Электронный ресурс] URL: https://rospravosudie.com/court-kamyzyakskij-rajonnyj-sud-astraxanskaya-oblast-s/act-488625438/ (дата обращения 16.04.16 г.).

[23] Костина О.В., Шевченко О.Р. Обратная отсылка в теории международного частного права // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право, 2011. № 2 (97). – С. 207-213.

Библиография:

- Ануфриева Л.П. Международное частное право. Общая часть. Том 1 М.: изд-во БЕК, 2002. – С. 105.
- Богуславский М.М. Международное частное право. 5–е изд., перераб. И доп. – М.:Юристъ, 2005. 604 – С. 104.
- Брун М.И. Международное частное право. – Москва: Типо-литография Прохорова Л.М. и Яшкина Н.А., 1911. – С. 9.
- Брун М.И. Монография Введение в международное частное право – Петроград: Типография В.Ф. Киршбаума, 1915. – С. 5.
- Варавенко В.Е. Обратная отсылка и отсылка к праву третьего государства как проблема применения иностранного права: монография / под науч. ред. канд. юрид. наук Литвиновой С.Ф. – Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2010. – С. 134.
- Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право: Учебник. - М.: Изд-во Эксмо, 2005. – С. 133.
- Костина О.В., Шевченко О.Р. Обратная отсылка в теории международного частного права // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право, 2011. № 2 (97). – С. 207-213.
- Мандельштам А.Н. Гаагские конференции о кодификации международного частного права. - С.-Петербург, типография А. Бенке, 1900 г. // СПС Гарант.
- Международное частное право: Учебник / Ануфриева Л.П., Бекяшев К.А., Дмитриева Г.К. и др.; Отв. ред. Дмитриева Г.К. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – С. 146.
- Международное частное право: Учебник. В 2 т. Т 1: Общая часть / Отв. ред. Лебедев С.Н., Кабатова Е.В. – М.: Статут, 2011. – С. 285.

TAGS: обратная отсылка, отсылка к праву третьего государства, remission, transmission

Татьяна Юрьевна Ларина,
Заведующий кафедрой международного права и международного сотрудничества в сфере интеллектуальной собственности ФГБОУ ВО РГАИС, кандидат юридических наук.

Елена Ибрагимовна Мамедова,
Слушатель магистратуры ФГБОУ ВО РГАИС, Аналитик Центра научной информационно-библиотечной работы и международного сотрудничества ФГБОУ ВО РГАИС.

Annotation:

In the article the analysis of the terms «remission» and «transmission» with a historical overview of fixation of these concepts in legal doctrine and private international law of Russia. investigated the actual model of legal regulation of remission and transmission in the legislation of the Russian Federation and identified the need for making changes and additions. ■

Tatyana Y. Larina,
Head of the Department of International Law and International Cooperation in the Sphere of Intellectual Property FGBOU V RGAIS, Candidate of Legal Sciences.

Elena I. Mamedova,
Student of the Master's degree of the FGBEU in the RGAIS, Analyst of the Center for Scientific Information and Library Work and International Cooperation of the FGBOU in the RGAIS.

Аннотация:

В статье проведен анализ «обратной отсылки» и «отсылки к праву третьего государства» с историческим обзором закрепления данных понятий в юридической доктрине и законодательстве России, рассмотрена современная модель правового регулирования обратной отсылки и отсылки к праву третьего государства в законодательстве Российской Федерации и выявлена необходимость внесения в него изменений и дополнений. ■

Источник иллюстраций: pixabay-com

Эволюция законодательства Европейского Союза о государственных закупках

The evolution of the EU public procurement law

Полноценное регулирование государственных закупок в ЕС берет начало в 70-х годах XX века, когда в развитие положений Римского договора были приняты две Директивы: 71/305/ЕЭС о государственных контрактах на выполнение работ и 77/62 о государственных контрактах на поставку товаров.

Говоря об историческом контексте развития законодательства Европейского Союза о государственных закупках, необходимо помнить, что цель наднационального регулирования заключается в том, чтобы открыть рынки государственных закупок для хозяйствующих субъектов из других государств-членов Союза. Первые нормы, которые хоть как-то регулировали государственные закупки в ЕС, были закреплены в Римском договоре 1957 года (в настоящее время — Договор о функционировании Европейского Союза) в виде общих принципов. Среди прочего, Римский договор запрещал государствам-членам дискриминацию по отношению других государств-членов, например, путем сохранения за национальными компаниями контрактов. Будучи закрепленными в учредительном договоре, данные нормы не требовали имплементации со стороны государств-членов. Однако этих норм-принципов явно было недостаточно для того, чтобы открыть рынки государственных закупок. В частности, на определенном этапе исторического развития пришло осознание того, что необходима прозрачная процедура присуждения контракта, которая лишала бы заказчика возможности скрыть какое-либо дискриминационное поведение под «мантией свободы действий». Кроме того, считалось целесообразным принятие специальных положений, позволяющих ущемленным участникам торгов защищать свои права. Для обеспечения вышеупомянутого и были приняты на уровне сначала Сообщества, а потом и Союза специальные Директивы. Анализ эволюции законодательства ЕС о государственных закупках в настоящее время приобретает особую актуальность в силу истечения 18 апреля 2016 года срока для имплементации нового пакета директив, принятых в феврале 2014 года. Кроме того, в условиях становления Евразийского Союза, а также учитывая то, что многие положения российских законов в сфере государственных закупок были заимствованы из директив Европейского Союза, представляется полезным проанализировать опыт западных соседей.

1970-е годы: первые наднациональные акты в области государственных закупок

Первые Директивы в области государственных закупок были приняты еще в 70-х годах пошлого столетия. В 1971 году была принята Директива 71/305/ЕЭС о координации процедур присуждения государственных контрактов на выполнение работ[1]. В 1977 году были приняты и закреплены в Директиве 77/62/ЕЭС[2] аналогичные нормы, регулирующие контракты на поставку товаров. Уже тогда были заложены базовые начала правового регулирования государственных закупок в Европейском Союзе. В частности, Директива 71/305, равно как и Директива 77/62 устанавливали, что уведомление о торгах должно быть распространено на территории всего Сообщества, дискриминационные технические условия не допускаются, а сама процедура торгов, как и присуждение контракта, должны основываться на объективных показателях[3]. Надзор за соблюдением данных принципов возлагался как на государства-члены, так и на Европейскую Комиссию.

В то же время стоит отметить, что Директива 71/305 не вводила новые процедуры закупок. При этом национальные процедуры закупок не были заменены нормами права Сообщества4. Как отмечал Суд в деле CEI and Bellini, государства-члены свободны в сохранении или принятии материальных и процессуальных норм, регулирующих государственные контракты на выполнение работ, при условии, что они (нормы) не противоречат соответствующим положениям права Сообщества и, в частности, запретам, вытекающим из закрепленных в Договоре принципов о свободе учреждения и свободе оказания услуг[5].

Ввиду этого директивы 71/305 и 77/62 не достигли поставленных перед собой задач, поскольку национальные рынки государственных закупок так и не были в должной степени открыты. Как подчеркнула Европейская Комиссия в обращении к Совету по вопросам государственных закупок[6], указанные директивы не были надлежащим образом имплементированы в национальные законодательства государств-членов. В числе причин, по которым результат Директив был признан неудовлетворительным, назывались:

[1] Council Directive 71/305/EEC of 26 July 1971 concerning the co-ordination of procedures for the award of public works contracts (OJ L 185, 16.8.1971, p. 1)

[2] Council Directive 77/62/EEC of 21 December 1976 coordinating procedures for the award of public supply contracts (OJ L 13, 15.1.1977, p. 1)

[3] Параграф 9 преамбулы Директивы 71/305/EEC

[4] Flamme P., Flamme M.-A., Dardenne C. «Les marchés publics européens et belges: L'irrésistible européanisation du droit de la commande publique», Larcier, 2009, p. 10

[5] Joined cases 27/86, 28/86 et 29/86 SA Constructions et entreprises industrielles (CEI) and others v Société coopérative «Association intercommunale pour les autoroutes des Ardennes» and others, para 15 [ECLI:EU:C:1987:355]

[6] Communication de la Commission au Conseil sur les marches publics de fournitures - Constat et Orientations // COM(84) 717 FINAL

- неуведомление о контрактах в Официальном журнале как результат дробления контрактов (как намеренного, так и ненамеренного);
- незнание соответствующих норм со стороны заказчиков или явное пренебрежение данными нормами;
- злоупотребление исключениями, позволяющими проводить торги без конкурсного отбора (договорная процедура) вместо открытого или закрытого конкурса;
- дискриминационные требования, выдвигаемые заказчиками, по соответствию национальным техническим стандартам, исключая европейские стандарты и стандарты других государств-членов (в нарушение принципа взаимного признания);
- незаконное исключение участников торгов или дискриминационное применение условия присуждения контракта[7]. Впоследствии Европейская комиссия в Белой книге о завершении формирования внутреннего рынка[8] заявила о серьезной и срочной необходимости в улучшении и уточнении положений Директив о государственных закупках.

Таким образом, полноценное регулирование государственных закупок в ЕС берет начало в 70-х годах XX века, когда в развитие положений Римского договора были приняты две Директивы: 71/305/ЕЭС о государственных контрактах на выполнение работ и 77/62 о государственных контрактах на поставку товаров. Они имеют важное историческое значение, поскольку закрепили основные начала проведения государственных закупок: прозрачность, недискриминация и объективность. Однако ненадлежащая имплементация государствами-членами, а также отсутствие наднациональных норм, которые заменили бы нормы национальные, привели к тому, что Директивы не достигли поставленной задачи и уже в ближайшее время потребовался их пересмотр.

1990-е годы: окончательное формирование внутреннего рынка

После сообщения Европейской Комиссии об отрицательном результате применения Директив 71/305/ЕЭС и 77/62/ЕЭС, а также ввиду поставленной задачи окончательно завершить к 1992 году формирование внутреннего рынка, была принята вторая волна наднациональных актов в сфере государственных закупок. В конце 80-х годов XX века были приняты Директива 88/295/ЕЭС[9] по контрактам на поставку товаров, изменяющая Директиву 77/62, и Директива 89/440/ЕЭС[10] по контрактам на выполнение работ, изменяющая Директиву 71/305/ЕЭС. Рассмотрим основные новшества, привнесенные указанными Директивами.

Здание Евросоюза

Говоря о контрактах на поставку товаров, необходимо отметить, что Директива 88/295/ЕЭС установила в качестве общего правила проведения государственных закупок открытый конкурс. Торги без конкурсного отбора (договорная процедура) могли проводиться только в исключительных случаях[11]. Кроме того, Директива расширила понятия видов контрактов на поставку товаров[12], а также уточнила способ подсчета минимальной цены контракта[13]. Помимо этого, Директива более строго определила круг вопросов, которые выведены из-под её действия[14]. Вместе с тем, Директива обязала заказчика заранее публиковать информацию о ежегодных программах закупок и их расписание, а также уведомление с детальной информацией о результатах каждого решения о присуждении контракта[15]. Наконец, нормы о технических стандартах были приведены в соответствие с новой политикой стандартов, основанной на принципе взаимного признания[16].

Что касается контрактов на выполнение работ, прежде всего следует отметить изменения относительно сторон контракта. Впервые до государственных закупок допускались объединения компаний, в том числе без внутренней структуры. Теперь исключение из списка участников торгов лишь на том основании, что у консорциума или группы отсутствует внутренняя структура, было запрещено. Однако после присуждения контракта, для обеспечения принципа правовой определенности и для упрощения надзора за исполнением контракта, заказчик мог выдвинуть требование о регистрации консорциума в той или иной организационно-правовой форме. Также было дано более широкое понятие «заказчику», который отныне считался органом, обладающим правосубъектностью, созданным специально для удовлетворения потребностей общих интересов, деятельность которого не носит промышленный или торговый характер и финансируется по большей части за счёт средств государства либо контролируется последним. Кроме того, впервые под наднациональное регулирование попали концессионные соглашения.

Однако ни Директива 88/295, ни Директива 89/440, при всех своих плюсах и достижениях, не сыграли такой важной роли, как Директива 90/351 о процедурах закупки субъектами, осуществляющими деятель-

[7] Там же.

[8] Completing the Internal Market: White Paper from the Commission to the European Council (Milan, 28-29 June 1985) // COM (85) 310 FINAL

[9] Council Directive 88/295/EEC of 22 March 1988 amending Directive 77/62/EEC relating to the coordination of procedures on the award of public supply contracts and repealing certain provisions of Directive 80/767/EEC (OJ L 127, 20.5.1988, p. 1)

[10] Council Directive 89/440/EEC of 18 July 1989 amending Directive 71/305/EEC concerning coordination of procedures for the award of public works contracts (OJ L 210, 21.7.1989, p. 1)

[11] Ст. 7 (2) Директивы 88/295

[12] Там же. Ст. 1 (a)

[13] Там же. Ст. 6 (1) (c)

[14] Там же. Ст. 3 (2) (a) (b) (c)

[15] Там же. Ст. 9

[16] Там же. Ст. 7 (см. также Белую книгу, п. 61-79; Council Resolution of 7 May 1985, OJ 1985 C 136, on a new approach in the field of technical harmonisation and standards)

ность в секторах водоснабжения, энергетики, транспорта и связи. До этого времени данные области выпадали из сферы регулирования наднационального права, во-первых, ввиду огромной разницы в национальных законодательствах в вопросе режима регулирования указанных отраслей, а во-вторых, из-за больших объемов закупок, которые служили инструментом национальной политики, от которого государства не горели желанием отказываться[17]. Директива о закупках в сфере водоснабжения, энергетики, транспорта и связи по большей части закрепляла тот же режим, что и Директивы о контрактах на выполнение работ и о контрактах на поставку товаров, но с важными отличиями, учитывающими специфику отраслей. Так, у заказчиков сохраняется большая гибкость при определении условия присуждения контракта. В частности, для государств-членов был предусмотрен разный срок для имплементации. Например, Испания должна была имплементировать положения Директивы в национальное законодательство к 1 января 1996 года, а Португалия и Греция – к 1 января 1998 года. Кроме того, помимо общих исключений в виде обороны и безопасности, из-под действия Директивы были выведены радио- и телевещание, которые не подпадали под категорию телекоммуникации в значении Директивы.

После принятия в 1992 году Договора о Европейском Союзе (также известен как Маастрихтский договор) и завершения формирования внутреннего рынка, внимание европейских институтов переключилось на государственные закупки услуг с учетом роста их значения в экономике. Принятая в том же 1992 году Директива 92/50/ЕЭС о координации процедур заключения государственных контрактов на оказание услуг[18] была направлена на открытие рынков государственных закупок в сфере услуг. Она следовала тем же принципа, что и Директивы о государственных контрактах на поставку товаров и государственных контрактах на выполнение работ, в частности обязательное уведомление о контрактах на территории Сообщества, запрет дискриминационных технических характеристик, способных стать препятствием для подачи заявок из других государств-членов, и единообразно и объективное применение процедур проведения торгов и присуждения контракта. Директива 92/50 предусматривает новый вид присуждения контракта — конкурс проектов, который проводится по вопросам городского планирования, архитектуры, проектирования гражданских объектов.

Согласно Директиве 92/50, государственные контракты на оказание услуг – это договоры, которые имеют в качестве своего предмета оказание услуг, перечисленных в Классификаторе основных продуктов, изданном Организацией Объединенных Наций и включающем в себя почти все возможные виды услуг, поскольку на уровне Союза подобного Классификатора не было.

Директива 92/50 стала первой, которая предприняла попытку открыть рынки государственных закупок услуг, однако из-под её действия были выведены как некоторые отдельно взятые договоры (например, договоры о проведении арбитража или примирения, трудовые договоры), так и концессионные услуги. Кроме того, Директива разграничивает понятия «приоритетные» услуги, к которым применяется весь комплекс мер, установленных Директивой, и «неприоритетные», которые подчиняются действию Директивы только в таких базовых вопросах, как запрет дискриминации и прозрачность проведения государственных закупок.

Годом позже, в 1993 году произошло ещё одно знаковое событие для наднационального регулирования государственных закупок ЕС, а именно консолидация норм. Однако стоит сразу оговориться, что консолидация была «отраслевой». Иными словами, появились три новые Директивы: 93/36 о государственных контрактах на поставку товаров[19], 93/37 о государственных контрактах на выполнение работ[20], 93/38 о закупках в сфере водоснабжения, энергетики, транспорта и связи[21]. Каждая из указанных Директив объединяла все предыдущие Директивы в соответствующей области. Новые Директивы, помимо собственно консолидации, внесли небольшие изменения в регулирования государственных закупок в Европейском Союзе. В основном изменения затронули процессуальные аспекты, а также вопросы по приведению законодательства в соответствие с международными обязательствами (речь идет, прежде всего, о Соглашении о государственных закупках, действующее в рамках Всемирной Торговой Организации).

Таким образом, сразу несколько важных событий применительно к регулированию государственных закупок в Европейском Союзе имели место в конце прошлого столетия. В конце 80-х годов были приняты новые Директивы по контрактам на поставку товаров и на проведение работ, в 1990 году – Директива о закупках в сфере водоснабжения, энергетики, транспорта и связи, которая открыла национальные рынки закупок в указанных отраслях. Принятие Маастрихтского договора ознаменовало завершение становления внутреннего рынка, что потребовало принятие Директивы о государственных контрактах на оказание услуг. Через год последовала консолидация ранее принятых норм в сфере государственных закупок по всем направлениям: поставка товаров, выполнение работ, закупки в сфере водоснабжения, энергетики, транспорта и связи. Созданная в середине 90-х годов Всемирная Торговая Организация также повлияла на развитие законодательства ЕС о государственных закупках.

Юридический анализ Директивы 2004/18/ЕС

В 1996 году Комиссия опубликовала Зеленую книгу, посвященную государственным закупкам в Европейском Союзе[22], в которой не предусматривалось никаких значительных изменений законодательства о государственных закупках и даже подчеркивалось отсутствие необходимости подобных мер. Однако, вопросы, затронутые в Зеленой книге, в итоге привели к новой консолидации. После долгих обсуждений в 2004 году были приняты две Директивы: 2004/17/ЕС относительно координации процедур заключения государственных контрактов в сфере водоснабжения, энергетики, транспорта и почтовых услуг[23] и 2004/18/ЕС относительно координации процедур заключения государ-

[17] Durviaux A. L. «Logique de marché et marché public en droit communautaire: Analyse critique d'un système», Larcier, 2006, p. 31-32

[18] Council Directive 92/50/EEC of 18 June 1992 relating to the coordination of procedures for the award of public service contracts (OJ L 209, 24.7.1992, p. 1)

[19] Council Directive 93/36/EEC of 14 June 1993 coordinating procedures for the award of public supply contracts (OJ L 199, 9.8.1993, p. 1)

[20] Council Directive 93/37/EEC of 14 June 1993 concerning the coordination of procedures for the award of public works contracts (OJ L 199, 9.8.1993, p. 1)

[21] Council Directive 93/38/EEC of 14 June 1993 coordinating the procurement procedures of entities operating in the water, energy, transport and telecommunications sectors (OJ L 199, 9.8.1993, p. 1)

[22] Green Paper on Public Procurement in the European Union: Exploring the Way Forward, 1996

[23] Directive 2004/17/EC of the European Parliament and of the Council of 31 March 2004 coordinating the procurement procedures of entities operating in the water, energy, transport and postal services sectors. (OJ L 134, 30.4.2004, p. 1)

ственных контрактов на выполнение работ, поставку товаров и предоставление услуг[24]. Для формирования наиболее общей картины далее будет рассматриваться только «базовая» Директива 2004/18/ЕС.

Прежде всего необходимо заметить, что Директива 2004/18/ЕС объединяет в себя регулирование государственных контрактов на поставку товаров, оказание услуг и выполнение работ. Иными словами, данная Директива кодифицировала положения трех предыдущих Директив: 92/50/ЕЭС, 93/36/ЕЭС и 93/37/ЕЭС. В связи с этим Директива, взамен понятиям «поставщик товаров», «подрядчик», «исполнитель услуг» ввела новое понятие, охватывающие все три категории – участник закупок.

Помимо указанных контрактов Директива регулирует концессионные соглашения, причем как на выполнение работ, так и на оказание услуг. Принципиально отличие заключается в том, что в концессионных соглашениях вознаграждение заменяется полностью или частично правом использовать либо результат работы, либо услугу.

Стоит напомнить, что Директива применяется не ко всем публичным контрактам, а только к тем, которые соответствуют критерию de minimis. Если заказчиком является наиболее центральные органы власти (их перечень дается в Приложении IV к Директиве), то минимальная стоимость контракта на поставку товаров и оказание услуг составляет 162 000 евро. Для иных заказчиков этот порог увеличен до 249 000 евро. Что касается контрактов на выполнение работ, то минимальный порог независимо от заказчика составляет 6 242 000 евро. При этом следует оговориться, что в указанные суммы не входит налог на добавленную стоимость. Что касается стран, которые не присоединились к единой валюте, то Европейская Комиссия переводит размер данных сумм в валюты государств-членов и публикует их в Официальном журнале.

Из-под действия Директивы также выведены контракты, связанные с закупками в оборонной сфере, в соответствии со статьей 346 ДФЕС. Помимо этого, не подчиняются Директиве контракты, квалифицированные как «тайные», то есть связанные с тайной. Так, например, в деле Комиссия против Бельгии[25] Суд ЕС признал, что исключение из сферы применения Директивы контракта, связанного с военной тайной, правомерно. Также Директива не применяется к контрактам, исполнение которых требует особых мер безопасности или когда защита основных интересов безопасности требует исключения контракта из сферы применения Директивы. Кроме того, Директива не распространяется на контракты, заключенные вследствие международных соглашений.

Штаб-квартира Европейского совета и Совета Европейского союза в Брюсселе

Кроме того, Директива 2004/18/ЕС регламентирует использование заказчиками процедуры электронного аукциона26. Электронный аукцион может применяться в рамках как открытого конкурса, так и ограниченных и закрытых торгов. Если заказчик решает проводить электронный аукцион, он обязан прямо указать об этом в уведомлении. Электронный аукцион может основываться либо на цене, если присуждение контракта происходит в соответствии с критерием наиболее низкой цены, или на цене и/или других показателях контракта, если он присуждается согласно критерию наиболее экономически выгодной заявки. Спецификации должны содержать подающиеся количественной оценке показатели (цифры или проценты), значения которых являются предметом аукциона в электронной форме, и минимальный шаг аукциона; а также процесс проведения электронного аукциона и технические характеристики для подключения к нему. Прежде чем перейти к электронному аукциону, заказчик должен провести полную предварительную проверку тендерных заявок. Все участники, которые были допущены до торгов, должны быть приглашены участвовать одновременно в электронном аукционе, дата и время начала которого заранее указывается в приглашении, как и, при необходимости, количество этапов. Приглашение также должно содержать математическую формулу, на основании которой будет происходить переоценка поданных заявок. Каждый участник электронного аукциона должен иметь возможность знать свое положение относительно своих конкурентов, не зная их идентичность. Условно говоря, участник аукциона должен знать, что на данном этапе его заявка занимает третье место, однако он не может знать, какие хозяйствующие субъекты предложили лучшие условия. Электронные торги закрываются в заранее зафиксированные число и время, когда прошло определенное количество времени получения последней заявки или когда было пройдено установленное число этапов в аукционе.

Таким образом, Директива 2004/18/ЕС стала первым актом, объединившим три вопроса, которые прежде регулировались разными

[24] Directive 2004/18/EC of the European Parliament and of the Council of 31 March 2004 on the coordination of procedures for the award of public works contracts, public supply contracts and public service contracts (OJ L 134, 30.4.2004, p. 1)

[25] Case C-252/01 Commission v Belgium [ECLI:EU:C:2003:547]

[26] Ст. 54 Директивы 2004/18/ЕС

документами – контракт на поставку товаров, контракт на выполнение работ, контракт на оказание услуг. Директива устанавливает минимальные пороги для контрактов, на которых распространяется её действие, при этом указанные суммы не включают налог на добавленную стоимость. Кроме того, Директива подробно регулирует содержание уведомлений и порядок их опубликования, поскольку надлежащее и своевременное оповещение участников закупок является одним из базовых положений принципа прозрачности. Также Директива устанавливает равенство традиционных и электронных средств связи при проведении торгов, однако применение последних дает заказчику возможность сократить срок проведения закупок. С учетом развития технологий, Директива 2004/18/ЕС предусматривает возможность применения заказчиком полностью электронных процедур закупок, таких как динамическая система закупок и электронный аукцион.

Реформа законодательства Европейского Союза о государственных закупках 2014 года

В декабре 2011 года Европейская Комиссия предложила пересмотреть Директивы 2004/17/ЕС и 2004/18/ЕС, а также принять новую Директиву о концессионных соглашениях[27]. Необходимо отметить, что прежде концессии регулировались Директивой 2004/18/ЕС, однако теперь Европейский законодатель решил вывести их в отдельный документ. Кроме того, пересмотр наднационального регулирования государственных закупок возник ввиду принятия программы «Европа 2020: Стратегия для умного, устойчивого и всестороннего роста»[28], в которой государственные контракты играют ключевую роль. Экономические, социальные и политические события, а также современные бюджетные ограничения в ЕС сделали необходимыми изменения регулирования, во-первых, чтобы сделать их более простыми и эффективными для заказчиков и поставщиков, и во-вторых, чтобы обеспечить лучшее соотношение цены и качества для государственных закупок с соблюдением принципов прозрачности и конкуренции.

Директива 2014/24/ЕС[29] сохранила основные положения Директивы 2004/18/ЕС, однако регулирование ряда аспектов проведения государственных закупок было адаптировано под современные реалии. В частности, новая Директива закрепляет постепенный переход к обязательному проведению тендера в электронной форме, в то время как ныне действующая предусматривала равный режим для «традиционных» и электронных средств. Кроме того, во всех процедурах проведения закупок были существенно сокращены сроки. Значительно упростились административные процедуры, связанные с подачей документов, с опубликованием уведомлений, с пересмотром уже подписанных контрактов. Особое внимание новая Директива уделяет противодействию коррупции, мошенничеству и конфликту интересов, а также созданию более благоприятного режима для малых и средних предприятий.

В Европейском Союзе развитие законодательства о государственных закупках началось с 70-х годов прошлого столетия, когда были заложены базовые начала правового регулирования, в частности, требование о распространении уведомления о торгах на территории всего Союза, запрет дискриминационных технических условий. Когда в конце 80-х годов была поставлена задача завершить формирование внутреннего рынка к 1992 году, в первую очередь потребовалось изменение законодательства о государственных закупках. Были усовершенствованы Директивы о поставках товаров и о выполнении работ, отдельное закрепление получили закупки в сфере энергетики, водоснабжения, транспорта и связи, были урегулированы государственные закупки услуг. Однако развитие законодательства на этом не закончилось, и в 2004 году была проведена масштабная консолидация законодательства, значение которой сложно переоценить. Очередная реформа была проведена в 2014 году: в отдельное регулирование были выведены концессионные соглашения, процедура проведения закупок была упрощена, новые возможности и льготы приобрели представители малого и среднего бизнеса. Реформа государственных закупок стала одним из главных направлений программы «Европа-2020». Можно предположить, что следующие изменения в законодательстве состоятся через 7-10 лет, когда будут подведены итоги реализации текущего этапа реформирования и уже упомянутой программы развития «Европа-2020». ■

[27] Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on public procurement // COM(2011) 0896 final. Brussels

[28] Communication from the Commission. Europe 2020: A strategy for smart, sustainable and inclusive growth // COM(2010) 2020 final. Brussels

[29] Directive 2014/24/EU of the European Parliament and of the Council of 26 February 2014 on public procurement and repealing Directive 2004/18/EC Text with EEA relevance (OJ L 94, 28.3.2014, p. 1)

Библиография:

- Flamme P., Flamme M.-A., Dardenne C. «Les marchés publics européens et belges: L'irrésistible européanisation du droit de la commande publique», Larcier, 2009
- Durviaux A. L. «Logique de marché et marché public en droit communautaire: Analyse critique d'un système», Larcier, 2006

TAGS: государственные закупки, Европейский Союз,
public procurement, European Union

Артур Михайлович Камалян,
аспирант кафедры Интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Annotation:

The present article covers the development of the EU public procurement law. In particular, it analyzes the reasons of the legislation reforms, the achievements and shortcomings of each generation of EU public procurement directives, as well as certain trends that may have an impact on further evolution. ■

A. M. Kamalyan
Graduate student of the Department of Integration and European Law of the Moscow State Law University by O.E. Kutafin.(MSLU)

Аннотация:

В настоящей статье рассматривается формирование законодательства Европейского Союза в области государственных закупок. В частности, анализируются причины реформ законодательства, достижения и неудачи каждого из этапов, а также выявляются определенные тенденции, способные оказать влияние на дальнейшее развитие. ■

Источники иллюстраций:
eurorussians.com
HQroom
kremlinrus.ru

Фонд нематериального культурного наследия ЮНЕСКО: международно-правовое измерение

The intangible cultural heritage fund of the UNESCO: international legal dimension

Фонд нематериального культурного наследия в соответствии с Положением о финансах ЮНЕСКО является целевым фондом. Средства Фонда образуются из взносов государств-участников, средств, ассигнованных для этой цели Генеральной конференцией ЮНЕСКО, взносов, пожертвований или завещанного имущества, которые могут быть предоставлены другими государствами, международными организациями и программами системы ООН, в частности Программой развития ООН (ПРООН)

Глобальные проекты, создаваемые для достижения целей, которые непосредственно затрагивают общечеловеческие интересы, как показывает международная практика, нуждаются в адекватной финансовой поддержке.

Именно нехватка достаточных финансовых средств является главной причиной, по которой не удаётся ликвидировать нищету на глобальном уровне, добиться значимых результатов в деле сокращения числа инфицированных ВИЧ/СПИДом лиц, а также не были достигнуты к 2015 году некоторые Цели развития тысячелетия (ЦРТ) [4] и т. д. Наличие финансовых ресурсов также будет основным фактором, от которого будет зависеть достижение успехов по целям и задачам, предполагаемым Парижским соглашением по изменению климата 2015 года [3] и Целями устойчивого развития до 2030 года (ЦУР) [1], [5].

Учитывая это обстоятельство, в вопросе об успешности и результативности международного сотрудничества по тем или иным важным направлениям чрезвычайно важным является согласование между государствами различных важных аспектов сотрудничества, ключевой из которых – финансовый. В этом отношении позитивно отличается сотрудничество государств в сфере защиты нематериальных культурных ценностей на основе Конвенции об охране нематериального культурного наследия, принятой в рамках ЮНЕСКО в 2003 году [2]. В данной Конвенции подчёркивается, что сотрудничество государств по охране нематериального культурного наследия на двустороннем, субрегиональном, региональном и международном уровнях отвечает общим интересам человечества. Международное сотрудничество предполагает, прежде всего, обмен информацией и опытом, совместные инициативы, а также создание механизма оказания помощи государствам-участникам в их усилиях, направленных на охрану нематериального культурного наследия.

Международное сотрудничество включает и международную помощь, оказываемую в целях:

- охраны наследия, включённого в Список нематериального культурного наследия, нуждающегося в срочной охране;
- подготовки перечней нематериального культурного наследия, имеющегося на территории государств-участников Конвенции;
- поддержки программ, проектов и мероприятий, осуществляемых на национальном, субрегиональном и региональном уровнях, которые направлены на охрану нематериального культурного наследия.

Международная помощь может быть оказана для достижения целей, определённых Межправительственным комитетом по охране нематериального культурного наследия, функционирующем при ЮНЕСКО.

Следует отметить, что международная помощь предоставляется в целом Межправительственным комитетом по охране нематериального культурного наследия государству-участнику Конвенции. Все вопросы, связанные с оказанием такой помощи, регламентируются Оперативным руководством по выполнению Конвенции, разработанным Межправительственным комитетом, а также Соглашением между государством-участником Конвенции, являющимся бенефициаром, и этим Комитетом.

Формами международной помощи могут быть:

- исследования, касающиеся различных аспектов охраны нематериального культурного наследия;
- предоставление услуг экспертов и носителей нематериального культурного наследия;
- подготовка любого необходимого персонала;
- создание и обеспечение функционирования инфраструктур;
- предоставление оборудования и ноу-хау;
- разработка национальных нормативных актов и других мер;
- другие формы финансовой и технической помощи, включая, в определённых случаях, предоставление займов под низкие проценты и пожертвований.

Комитет самостоятельно устанавливает процедуру рассмотрения заявок на международную помощь и уточняет, такие аспекты указанных заявок, как предусматриваемые меры, необходимые действия и оценка связанных с ними расходов. В срочных случаях заявка на получение помощи рассматривается Комитетом на приоритетной основе.

Согласно установленным правилам, каждое государство-участник Конвенции может представить Комитету заявку на международную помощь по охране нематериального культурного наследия, имеющегося на его терри-

тории. Такая заявка может быть также представлена совместно двумя или более государствами-участниками. Заявка должна содержать всю необходимую информацию и документацию.

Предоставляемая международная помощь, как уже было отмечено, регулируется соглашением между государством-участником Конвенции, являющимся бенефициаром, и Межправительственным комитетом по охране нематериального культурного наследия. Как общее правило, государство-участник, являющееся бенефициаром, в зависимости от имеющихся в его распоряжении средств, участвует в покрытии расходов, связанных с мерами охраны, на которые предоставляется международная помощь. Государство-участник, являющееся бенефициаром, обязано представить Комитету доклад об использовании помощи, оказываемой в целях охраны нематериального культурного наследия.

Конвенцией учреждён «Фонд нематериального культурного наследия», который в соответствии с Положением о финансах ЮНЕСКО является целевым фондом. Средства Фонда образуются из взносов государств-участников, средств, ассигнованных для этой цели Генеральной конференцией ЮНЕСКО, взносов, пожертвований или завещанного имущества, которые могут быть предоставлены другими государствами, международными организациями и программами системы ООН, в частности Программой развития ООН (ПРООН). Фонд пополняется поступлениями от частных лиц, а также за счёт любых процентных начислений на средства этого Фонда, сумм сборов и поступлений от мероприятий, организованных в пользу Фонда, и любых других средств, предусмотренных Положением о Фонде, разработанным Комитетом. Последний принимает решения об использовании средств на основе руководящих указаний Генеральной ассамблеи. Комитет может принимать в других формах взносы и помощь, предназначенные для общих или конкретных целей, связанных с определёнными проектами, при условии, что такие проекты одобрены самим Комитетом. Внесение взносов в Фонд не может сопровождаться никакими политическими или иными условиями, не совместимыми с целями, предусмотренными Конвенцией.

В Конвенции особое внимание уделено взносам в Фонд государств-участников. В ней сказано о том, что без ущерба для любого дополнительного добровольного взноса государства-участники Конвенции обязуются

Здание ЮНЕСКО

вносить в Фонд по крайней мере раз в два года взносы, сумма которых, исчисляемая по единой процентной ставке, применяемой для всех государств, определяется Генеральной ассамблеей. Однако государство, упомянутое в статье 32 или в статье 33 Конвенции, т. е. не являющееся членом ЮНЕСКО, может в момент сдачи на хранение своей ратификационной грамоты сделать заявление, что оно не будет связано с вышеприведёнными положениями.

Решения Генеральной ассамблеи по вопросам взносов принимаются большинством присутствующих и участвующих в голосовании государств-участников, которые не сделали заявления. При этом определено, что взнос государства-участника не должен превышать 1% его взноса в обычный бюджет ЮНЕСКО.

Государства-участники, желающие внести добровольные взносы, информируют об этом Комитет как можно быстрее, с тем чтобы он мог соответствующим образом планировать свою деятельность. На нынешнем этапе следующие государства внесли добровольные взносы в фонд: Болгария, КНР, Эстония, Венгрия, Индонезия, Япония, Монако, Норвегия, Нидерланды, Оман, Республика Корея, Испания, Турция. Из числа частных организаций взнос внесла Швейцарско-Японская торговая палата [7].

Любое государство-участник Конвенции, имеющее задолженность по своим обязательным или добровольным взносам за текущий год и календарный год, который непосредственно предшествует ему, не может быть избрано членом Комитета.

Конвенцией установлено, что государства-участники по мере возможности оказывают поддержку международным кампаниям по сбору средств для Фонда, организуемым под эгидой ЮНЕСКО.

По п. «с» ст. 7 Конвенции Межправительственный комитет должен подготовить и представить на одобрение Генеральной ассамблеи проект плана использования ресурсов Фонда в соответствии со ст. 25 Конвенции. Согласно п. 4 ст. 25 Конвенции, использование ресурсов Фонда Комитетом должно осуществляться на основе правил, принятых Генеральной ассамблеей. Эти правила Генеральной ассамблеи, которые ныне составляют п. 1 главы II Оперативного руководства по выполнению Конвенции, были одобрены на её второй сессии в 2008 году.

Для осуществления плана использования ресурсов Фонда, одобренного Генеральной ассамблеей, на период с 1 января 2016 года по 31 декабря 2017 года выделено 8 млн долларов США [8].

Несмотря на достигнутое на международном уровне осознание важности нематериального культурного наследия, восприятие его значимости в качестве гарантии устойчивого развития и положительный пример функционирования механизма финансирования мер по его охране, всё же следует обратить внимание и на деструктивные меры, предпринимаемые в этом отношении отдельными государствами. Речь идёт об отношении к деятельности ЮНЕСКО США, которые, как и Израиль, отказались выплачивать членские взносы в Организацию в 2011 году из-за принятия в её состав Палестины. На тот момент взносы США составляли 22% бюджета ЮНЕСКО. По данной причине в 2013 году эти государства были лишены права голоса в Организации.

В октябре 2017 года Государственный департамент США сообщил о выходе из ЮНЕСКО. Это произойдёт, в соответствии с конституцией ЮНЕСКО, 31 декабря 2018 года. Ещё одна причина, которую указал Государственный департамент США, объявляя о выходе, – это долг перед ЮНЕСКО в размере 550 млн долларов США [6]. Вслед за США решение выйти из состава ЮНЕСКО принял Израиль.

Как было указано, объём средств, направляемых в Фонд нематериального культурного наследия, определяется, прежде всего, исходя из взноса государства-участника в обычный бюджет ЮНЕСКО, в силу чего решения США и Израиля покинуть организацию негативно отразятся не только на деятельности ЮНЕСКО в целом, но и на усилиях, предпринимаемых для охраны нематериального культурного наследия в частности.

Указанные процессы, безусловно, вызывают сожаление, тем более в условиях глобализации, отрицательной стороной которой является потеря самобытности и преемственности поколений, присущей некоторым сообществам или группам, в силу чего знания об истории, традициях и культуре находятся под угрозой исчезновения. Рост терроризма и экстремизма, порождающий ненависть к другим культурам, невежество и дискриминацию, создаёт серьёзные угрозы для нематериального культурного наследия. Остаётся надеяться, что государства-участники Конвенции об охране нематериального культурного наследия найдут возможности для обеспечения дальнейшего успешного выполнения её положений и достижения её целей. ■

Библография:

- Абашидзе А.Х., Солнцев А.М., Киселева Е.В., Конева А.Е., Круглов Д.А. Достижение целей устойчивого развития (2016–2030): международно-правовое измерение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: юридические науки. – 2016. № 1. – С. 65-78.
- Конвенция об охране нематериального культурного наследия 2003 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения 07.11.2017 г.).
- Парижское соглашение об изменении климата 2015 г. // Документ ООН FCCC/CP/2015/L.9.
- Резолюция ГА ООН 55/2 «Декларация тысячелетия Организации Объединённых Наций» от 8 сентября 2000 г. // Документ ООН A/RES/55/2.
- Резолюция ГА ООН 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» от 25 сентября 2015 г. / Документ ООН A/RES/70/1.
- Harris G., Erlanger S. The New York Times: U.S. Will Withdraw From Unesco, Citing Its 'Anti-Israel Bias' [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.nytimes.com/2017/10/12/us/politics/trump-unesco-withdrawal.html (дата обращения 07.11.2017 г.).
- The Intangible Cultural Heritage Fund [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ich.unesco.org/en/funding-00815 (дата обращения 07.11.2017 г.).
- Working document of General Assembly on the use of the Intangible Cultural Heritage Fund for 2016/2017 // UNESCO Doc. ITH/16/6.GA/9.

В Башкирии сохранение нематериального культурного наследия предлагают закрепить законодательно

TAGS: нематериальное культурное наследие; охрана нематериального культурного наследия; ЮНЕСКО; Конвенция об охране нематериального культурного наследия 2003 г.; Фонд нематериального культурного наследия; Межправительственный комитет по охране нематериального культурного наследия,
intangible cultural heritage; safeguarding of the intangible cultural heritage; UNESCO; Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage of 2003; Intangible Cultural Heritage Fund; Intergovernmental Committee for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage.

Гюнай Видади кызы Алиева
Аспирант кафедры международного права Российского университета дружбы народов,
gunayg17@hotmail.com

Annotation:

The effectiveness of measures taken at the international level to address such an important task as the safeguarding of the intangible cultural heritage largely depends on sufficient financing. In this regard, the cooperation of States within the framework of the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage, adopted by UNESCO in 2003, positively differs, including the provision of assistance to participating States in their efforts to safeguard the intangible cultural heritage. Also on its basis, the "Intangible Cultural Heritage Fund" was established as the UNESCO's funds-in-trust.

The article deals with the mechanism for assisting participate States, developed in accordance with the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage of 2003, as well as the basis for the functioning of the Intangible Cultural Heritage Fund. ■

G. Alieva
PhD Student of the Department of International Law of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

Аннотация:

Результативность мер, предпринимаемых на международном уровне для решения такой важной задачи, как охрана нематериального культурного наследия, во многом зависит от достаточного финансирования. В этом отношении позитивно отличается сотрудничество государств в рамках Конвенции об охране нематериального культурного наследия, принятой в рамках ЮНЕСКО в 2003 г., положениями которой регулируются, в частности, вопросы оказания помощи государствам-участникам в их усилиях, направленных на охрану нематериального культурного наследия. Также на её основе в качестве целевого фонда ЮНЕСКО был учреждён «Фонд нематериального культурного наследия».

В статье рассматривается разработанный в соответствии с Конвенцией об охране нематериального культурного наследия 2003 г. механизм оказания помощи государствам-участникам, а также основы функционирования Фонда нематериального культурного наследия. ■

Источник иллюстраций: bashinform.ru

Технические требования к материалам для журналов

Издательства АНО «международный аналитическо-издательский центр правовой информации»

НАШИМ АВТОРАМ

Издательство АНО «Международный аналитическо-издательский центр правовой информации» и журнал «Международный правовой курьер» приглашают юристов и юристов-международников к сотрудничеству.

Мы всегда заинтересованы в сотрудничестве с новыми авторами и расширении пула экспертов, работающих с нами постоянно. Присылайте Ваши материалы — статьи, комментарии и тематические обзоры практики, экспертные отзывы, рецензии на новинки профессиональной литературы — в электронном виде в формате Word на адрес **yulia.firsova@fmc-media.ru**.

В связи с большим потоком статей срок рассмотрения составляет не менее одной недели. К рассмотрению принимаются только ранее не публиковавшиеся материалы.

Вопрос о публикации решается редакцией издания.

Авторов просим сообщать о себе следующие сведения:

- Фамилия, имя, отчество
- Место работы и должность
- Ученая степень, почетные звания
- Контактные данные: номер телефона, e-mail.

Авторы, статьи которых ранее публиковались в одном из журналов издательства, могут сообщать только об изменении указанной информации. Статьи авторов, не сообщивших контактную информацию или предоставивших устаревшие/неактуальные данные, редакции журналов не принимают к рассмотрению.

Просим внимательно ознакомиться с правилами оформления материалов, направляемых в редакцию. Это поможет сократить срок подготовки статьи к публикации.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ И ИЛЛЮСТРАЦИЯМ:

1. Статьи для журнала принимаются в формате Word.
2. Обязательно наличие фотографии автора (-ов) статьи.
3. Количество знаков на полосе, включая пробелы:

	1* полоса	2 полосы	3 полосы	4 полосы	5 полос
Без иллюстраций	4 000	10 000	16 000	22 000	28 000
С иллюстрациями	3 000	8 000	13 000	18 000	23 000

* 1 полоса – С учетом заголовка

4. Фотографии принимаются в форматах tif, jpg (разрешение 300 dpi).
5. Фотографии в формате Word не принимаются!
6. Чертежи, схемы, логотипы – в векторных форматах: eps, cdr.
7. Графики и диаграммы – в векторных форматах или в формате Excel.
8. Схемы и чертежи формата AutoCAD желательно перевести в формат CorelDraw.

Объем материала, по общему правилу, не должен превышать 40 000 знаков с пробелами.

В сносках, по возможности, указываются только источники. При оформлении сносок на материалы, размещенные в Интернете, обязательно указывать полный адрес и дату рецепции.

Согласно требованиям ВАК, каждый материал должен быть дополнен аннотацией (до 400 знаков с пробелами) на русском и английском языке и ключевыми словами (3—5 слов или словосочетаний) на русском и английском языке.

Настоятельно советуем перед тем, как предоставить материал на рассмотрение, ознакомиться с условиями авторского договора (на сайте http://inter-legal.ru).

Принятые к публикации материалы проходят литературное редактирование и корректуру. Редакция оставляет за собой право без согласования с автором исправлять бесспорные ошибки и недостатки текста. Все статьи, поступающие на рассмотрение, проходят проверку на плагиат. Авторы статей, не выдержавших проверку, к сотрудничеству с редакцией более не привлекаются.

Вопросы о публикации можно задать по электронной почте @ yulia.firsova@fmc-media.ru.

Редакция не несет ответственности за содержание предоставленных материалов

РАЗМЕЩЕНИЕ РЕКЛАМЫ

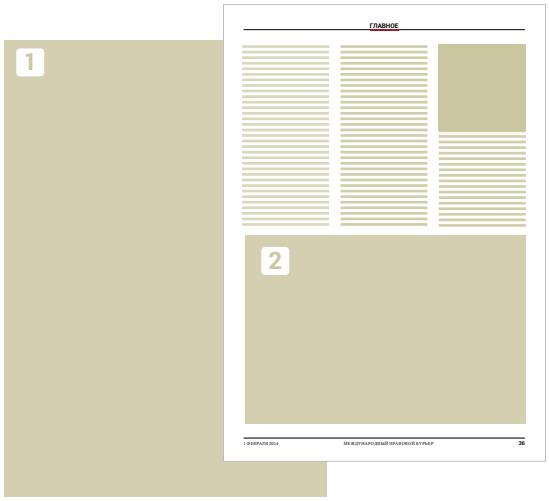
Аудитория: руководители и сотрудники юридических служб, консалтинговых компаний, дипломатические работники, юридические отделы и руководство компаний, ведущих международную деятельность, судьи, адвокаты, нотариусы, научные работники, студенты, аспиранты, а также все те, кто интересуется проблемами международного права.

Распространение: в розницу и по подписке на всей территории РФ, а также на выставках, семинарах, конференциях.

Сотрудничество: мы сотрудничаем с крупнейшими российскими и международными вузами — Дипломатическая академия МИД РФ, Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Московская государственная юридическая академия имени О. Н. Кутафина, Российский университет дружбы народов, Итальянский институт философских исследований (г. Неаполь), а также другими российскими и международными научными институтами и организациями. Нашими партнерами также являются Международная ассоциация юристов, Российская государственная библиотека.

РАЗМЕРЫ:

1. **Одна внутренняя полоса** (А4) – 213 x 302 мм + по 5 мм с каждой стороны под обрез.
2. **1/2 полосы** (А5 горизонтальный) – 186 x 128 мм
3. **Обложка** – 213 x 302 мм + по 5 мм с каждой стороны под обрез.



• Рекламные модули принимаются в форматах: eps, ai, cdr, tif (300 dpi, CMYK).

• Все используемые в модуле шрифты должны быть переведены в «кривые».

• Импортированные растровые изображения должны быть приложены отдельно к макету.

ВЕКТОРНАЯ ГРАФИКА:

• **Формат:** Adobe Illustrator до CS3, сохранение файла в формате Illustrator EPS, шрифты в кривых.

• **Содержание:** цветовая модель CMYK, слои сведены, растровая графика должна быть внедрена в файл в модели CMYK и иметь разрешение 300 dpi.

РАСТРОВАЯ ГРАФИКА:

• **Формат:** Adobe Photoshop до CS4, TIFF.

• **Содержание:** цветовая модель CMYK, разрешение 300 dpi, дополнительные обтравочные контуры и alpha-каналы отсутствуют. Все цвета в макете должны быть PROCESS CMYK, OVERPRINT должен быть отключен.

• Если используются цвета в модели Pantone, то их следует перевести в модель CMYK.

• Не следует делать композитным черный цвет текста, использовать только Black 100%.

• Сумма красок в растровых изображениях не должна превышать 300.

Все материалы принимаются в электронном виде.
Адрес электронной почты для пересылки материалов: **yulia.firsova@fmc-media.ru**

ИНФОРМАЦИОННОЕ СПОНСОРСТВО

АНО «Международный аналитическо-информационный центр правовой информации» предлагает услуги по информационному спонсорству на взаимовыгодных условиях сотрудничества для организатора какого-либо мероприятия.

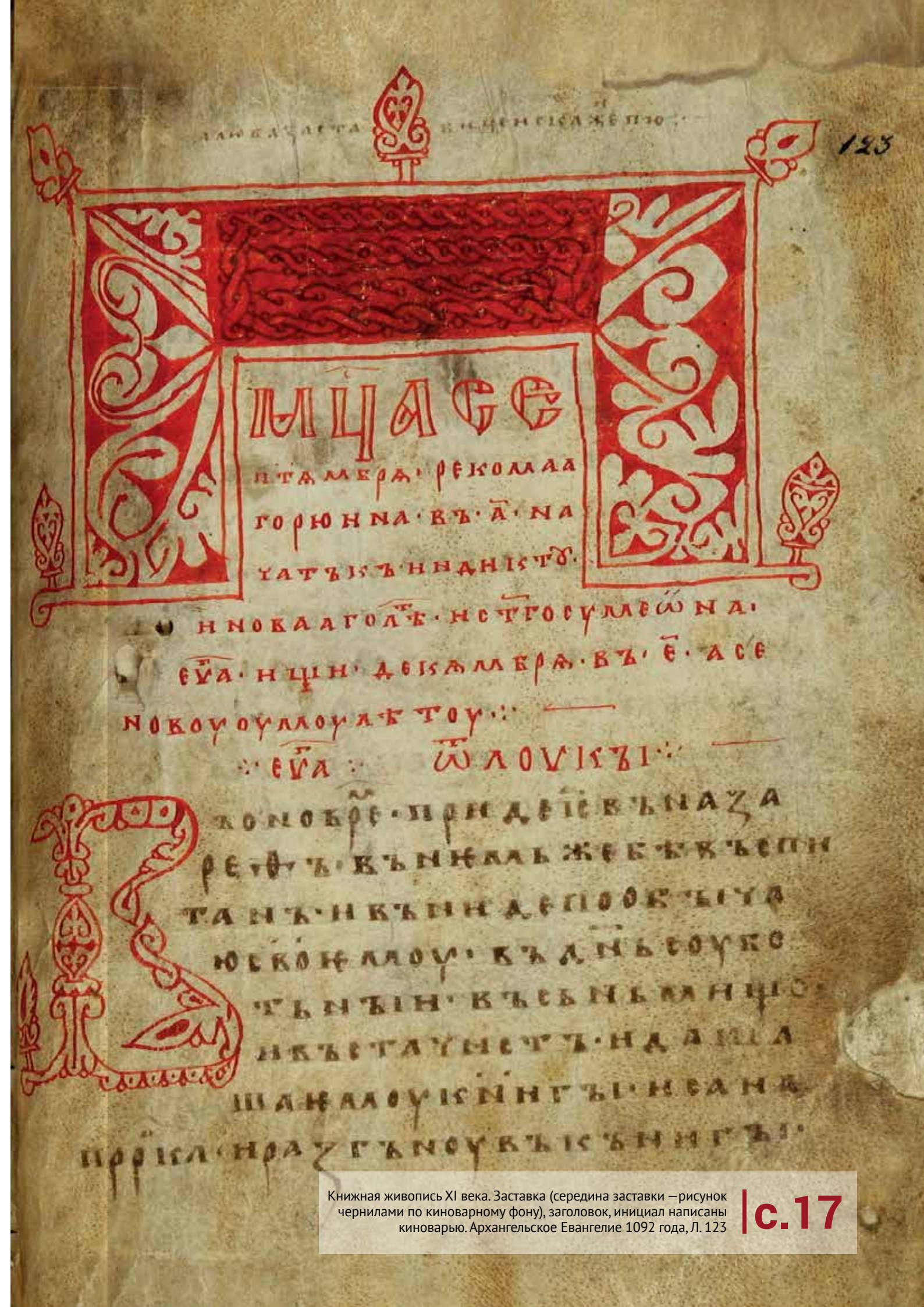
Мы оказываем услуги по информационному спонсорству при организации конференций, симпозиумов и других событий, находящих отклик у широкой общественности. При информационном спонсорстве журнал оказывает информационную поддержку мероприятию, позволяет спонсорам представлять на своих страницах анонсы мероприятий и публиковать пресс-релизы, посвященные определенному событию, материалы по итогам мероприятия.

Сотрудничество с издательством на условиях информационного спонсорства предполагает, что организаторы мероприятий предоставляют со своей стороны различные рекламные возможности как во время самого мероприятия, так и до и после него.

Требования к макетам спонсорских объявлений – смотрите требования к рекламным модулям.

ВОПРОСЫ И ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

(499) 390-35-80
yulia.firsova@fmc-media.ru.



Книжная живопись XI века. Заставка (середина заставки — рисунок чернилами по киноварному фону), заголовок, инициал написаны киноварью. Архангельское Евангелие 1092 года, Л. 123

Русь изначальная и её первозданный источник

К 925-летию Архангельского Евангелия

стр. 17

Архангельское Евангелие-апракос 1092 года.
Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ф. 178. Фото 2017 года